

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 93/94

DOI: 10.17223/19988613/48/20

А.Ю. Перетятько

«МЫ НЕНАВИДИМ ВСЕЮ СИЛОЮ НАШЕГО СЕРДЦА РАБСКИЙ ПРОИЗВОЛ, КОТОРЫЙ ЦАРСТВОВАЛ ВО ВСЕХ ЧАСТИЯХ ВАШЕГО УПРАВЛЕНИЯ»: О ПРИЧИНАХ НЕПОПУЛЯРНОСТИ АТАМАНА М.И. ЧЕРТКОВА НА ДОНЕ

Статья посвящена М.И. Черткову, донскому атаману второй половины XIX в., крайне непопулярному среди казаков. Молодой генерал, сделавший впоследствии блестящую карьеру, на Дону стал мишенью для слухов и анонимных писем. Ни реформы, ни улучшение положения местной элиты не принесли ему популярности. Показано, что причины этого заключались в особенностях характера и личной жизни атамана. Специфическое происхождение и поведение жены М.И. Черткова сделали ее ненавистной для всего донского общества. На основании анализа архивных материалов и свидетельств современников автор показывает, что донские жители позиционировали П.Х. Граббе в качестве идеала и примера для других атаманов. Сделан вывод о том, что личные качества донских атаманов оказывали важнейшее влияние на отношение к ним местного общества, порой даже большее, чем проводимая ими политика.

Ключевые слова: М.И. Чертков; П.Х. Граббе; Область Войска Донского; донской атаман; общественное мнение.

Введение. Личности донских атаманов второй половины XIX в. до сих пор почти не привлекали внимания исследователей. Только один из них, Н.И. Святополк-Мирский, удостоился отдельной статьи в современной историографии [1]. Можно отметить также недавнюю попытку А.А. Волвенко последовательно рассмотреть деятельность донских атаманов этого периода как «главных проводников правительственной политики на Дону» [2. С. 111–120]. Данное определение представляется нам весьма показательным. И А.А. Волвенко, и Р.Г. Тикиджян рассматривали атаманов именно как исполнителей определенной функции, а не живых людей, чьи симпатии, антипатии, привычки и поступки в частной жизни могли иметь не меньшее значение для истории, чем официальные распоряжения.

Альтернативный подход был предложен санкт-петербургским историком Б.С. Корниенко в работе, посвященной донскому атаману начала XX в. Ф.Ф. Таубе. Современный ученый подверг анализу не только служебную деятельность атамана, но и его образ в глазах современников, выявив причины, сделавшие немца по происхождению, пробывшего на Дону менее двух лет, «иконой для местных националистов» [3. С. 74]. До Б.С. Корниенко проблематика взаимодействия донских казаков и атаманов-«чужаков», назначавшихся на Дон после 1848 г. из генералов невойского происхождения, не подвергалась специальному исследованию. Между тем, как мы покажем ниже, эффективность управления краем в значительной степени зависела от отношения как большинства населения, так и местной элиты к атаману, а это отношение, в свою очередь, могло основываться на личных качествах последнего.

Наша статья посвящена М.И. Черткову (1829–1905), возможно, самому ненавидимому донскому атаману второй половины XIX в. Все свое пребывание на Дону атаман был целью для ругательных писем, во многом и заставивших его принять решение об уходе с должности [4. С. 55]. Цитату из подобного письма мы вынесли в название статьи [5. Ф. 55. Оп. 1. Д. 321. Л. 1 об.]. Но ведь именно при М.И. Черткове был проведен ряд важнейших реформ, в том числе и серьезно улучшивших положение местной элиты (например, срочные участки донских офицеров и чиновников были переданы в их полную собственность [6. С. 111]). Почему же именно этот атаман стал так нетерпим для казаков? Почему он снискал у них такую дурную славу? И каким, по мнению жителей Дона, должен был быть идеальный правитель края?

Материалы и методы. Деятельность М.И. Черткова на Дону нашла отражение в целом ряде мемуарных и полумемуарных работ современников. В первую очередь следует выделить книгу В.Д. Новицкого «Воспоминания жандарма», поскольку ее автор был чиновником для особых поручений при атамане и принадлежал к его ближайшему окружению [4]. Он посвятил целую главу личности своего покровителя, с одной стороны, попытавшись объяснить многие его неоднозначные поступки, а с другой – не впадая в идеализацию правителя края. Тот портрет атамана, который создал В.Д. Новицкий, подтверждается, а где-то и дополняется классической для донской историографии статьей А.А. Карасева «Донские атаманы за последние полвека» [6. С. 110–112]. Наконец, тема взаимоотношений М.И. Черткова и донских артиллеристов достаточно серьезно разрабатывалась Б.М. Калининым [7. С. 200–211].

О М.И. Черткове писали и люди, без преувеличения относящиеся к важнейшим фигурам российской истории. Несколько абзацев посвятил ему в своих воспоминаниях С.Ю. Витте [8. С. 113–114], упоминания о генерале встречаются на страницах дневника П.А. Валуева [9, 10]. С нашей точки зрения, особый интерес представляет та оценка, которую дают донскому атаману как администратору эти выдающиеся государственные деятели.

Однако воспоминания современников, как мы покажем ниже, не всегда были объективны к М.И. Черткову. Его реальную роль в подготовке тех или иных реформ можно точно установить только обратившись к фондам Государственного архива Ростовской области и Российского государственного военно-исторического архива. С другой стороны, в фонде донского краеведа Х.И. Попова сохранилось одно из анонимных писем, которыми казаки преследовали семью атамана [5. Ф. 55. Оп. 1. Д. 321].

На основании этих источников, используя историко-биографический метод, мы попытаемся восстановить те особенности личной жизни и политической деятельности М.И. Черткова, которые сделали его столь непопулярным в глазах казаков. Одновременно, применяя историко-сравнительный метод, мы попробуем выявить черты, привлекавшие местное общество в других атаманах.

Обсуждение. Для генерал-адъютанта, генерала от кавалерии, члена Государственного совета, кавалера российских и иностранных орденов Михаила Ивановича Черткова донской эпизод биографии так и остался чем-то малозначительным, не слишком оказавшимся на его дальнейшей блестящей карьере. Как сообщает краткий очерк в «Альманахе современных русских государственных деятелей» конца XIX в., М.И. Чертков уже в 31 год стал воронежским губернатором и в дальнейшем быстро продвигался по военно-чиновничьей лестнице: в 34 – волынский губернатор, в 37 – помощник виленского генерал-губернатора, в 38 – донской атаман, а в 47 – генерал-губернатор в Киеве [11. С. 70–71]. Известный донской краевед второй половины XIX в. А.А. Карасев особо подчеркивал молодость донского атамана на момент его вступления в должность [6. С. 110]. Обратившись к биографическим сведениям о других атаманах, сообщаемым А.А. Волвенко [2. С. 112–120], мы подсчитали, что возраст М.И. Черткова действительно резко отличал его от предшественников и преемников: Н.И. Святополк-Мирскому и А.Л. Потапову в момент вступления в должность было по 47 лет, К.К. Максимовичу – 49, Н.А. Краснокутскому – 55, а П.Х. Граббе – рекордные 73 года!

При этом стремительная карьера молодого генерала едва ли была его личной заслугой. Недоброжелатели прямо связывали его продвижение по службе с «гением родственных связей», при котором не важны «личные дарования» [5. Ф. 55. Оп. 1. Д. 321. Л. 5 об.]. Дело было даже не в богатстве и аристократизме известного воронежского

рода Чертковых: родная сестра донского атамана, Елена Ивановна, была замужем за начальником третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, влиятельным и авторитетным П.А. Шуваловым. По свидетельству В.Д. Новицкого, именно эта связь, а также личная симпатия Александра II к молодому генералу позволяли ему уверенно держаться в атаманском кресле, несмотря на нелюбовь казаков [4. С. 55].

Обратим внимание на ряд любопытных эпизодов, отраженных в дневнике министра внутренних дел Российской империи П.А. Валуева. М.И. Чертков упоминается в нем несколько раз, причем в связи с его губернаторской деятельностью до назначения на Дон. В 1862 г. он характеризуется как «молодой и светский» губернатор, хороший, но неопытный и самодовольный [9. С. 143]. В 1864 г. П.А. Валуев выражается о нем более резко, обвиняя в желании за счет «крайнего направления» (судя по контексту, речь идет об использовании самых жестоких мер против поляков) сделать карьеру и стать киевским генерал-губернатором [Там же. С. 292]. Правда, в 1866 г. министр внутренних дел сам рекомендовал будущего донского атамана для замены генерала А.П. Хрущева в качестве начальника люблинского военного отдела, но это произошло при своеобразных обстоятельствах: по мнению министра, первоначально предложенный для замены князь П.Р. Багратион обладал талантами, ненужными на этой должности, и поэтому рациональнее было бы назначить на нее не имеющего их М.И. Черткова [10. С. 179].

Именно таким образом, благодаря несоответствию другой должности, а не каким-либо заслугам, М.И. Чертков и стал донским атаманом. В 1868 г. подал в отставку виленский генерал-губернатор Э.Т. Баранов, помощником которого он состоял. Судя по дневнику П.А. Валуева, Александр II рассматривал кандидатуру М.И. Черткова на освободившуюся должность, но даже П.А. Шувалов выступил категорически против этого. В итоге произошла рокировка: генерал-губернатором стал донской атаман А.Л. Потапов, а его старую должность, казавшуюся тогда более простой (бывший атаман отзывался о Новочеркасске как о «земном рае»), получил М.И. Чертков [Там же. С. 248].

Впрочем, было бы неверно на основании этих фактов считать нового атамана откровенно плохим или бездарным чиновником. Такой государственный деятель, как С.Ю. Витте, полагал, что в плане способностей М.И. Чертков не уступал «другим ординарным генерал-губернаторам» [8. С. 114]. А.А. Карасев отзывался о нем куда лучше, чем о его преемниках – «недоумевающем в деле экономического развития Донской области» Н.А. Краснокутском и «не признающем необходимости культурного развития Донского казачества» Н.И. Святополк-Мирском [6. С. 112–113]. Но личные таланты М.И. Черткова явно не соответствовали скорости его служебного роста, и к той ситуации, которая сложилась на Дону после его назначения, молодой генерал оказался не готов.

До М.И. Черткова в Донском войске было только три атамана не из казаков. Но М.Г. Хомутов и А.Л. Потапов перед получением атаманских регалий какое-то время были вторыми лицами в войске, первый в качестве начальника войскового штаба [Там же. С. 106–107], а второй вообще в должности наказного атамана при повышенном до войскового атамана П.Х. Граббе [2. С. 113]. М.Г. Хомутов пробыл на Дону 23 года и, по мнению А.А. Карасева, «еще до вступления в атаманскую должность изучил донской край во всех подробностях» [6. С. 106–107]. А.Л. Потапов до назначения на Дон уже был государственным деятелем всероссийского масштаба, хотя и не первого ряда: в 1861–1864 гг. он являлся начальником штаба корпуса жандармов и управляющим третьим отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии [2. С. 115]. Таким образом, один из предшественников М.И. Черткова в плане знаний о донском крае не уступал казакам, а другой, безусловно, превосходил своими способностями «ординарных генерал-губернаторов».

Однако в тех анонимных ругательных письмах, которые ходили по Новочеркасску, в качестве недостойного для М.И. Черткова образца предлагался третий из его предшественников, не являвшийся казаками, – П.Х. Граббе. В том письме, что хранится в фонде Х.И. Попова, А.Л. Потапов охарактеризован как «деспот», М.Г. Хомутов – как человек, при имени которого «наши уста исторгнут проклятие с призывом к позорному столбу», сам М.И. Чертков объявлен недостойным сравнения даже с этими двумя атаманами, а вот «перед светлою чистою личностью Граббе» авторы анонимки были готовы «стоять с непокрытою головою» [5. Ф. 55. Оп. 1. Д. 321. Л. 1–5]. Интересно отметить, что и в памфлете А.И. Петровского «Опись войсковым, наказным и войсковым наказным атаманам, в разное время в города Черкасск, а затем Новочеркасск для управления Областью войска Донского от высшего начальства поставленным», написанном в начале XX в., из неказачьих атаманов один П.Х. Граббе был удостоен безусловно положительной характеристики. В этом тексте бывший донской атаман позиционировался как личность «исключительного благородства и редкой доброты душевной», а мнение о нем как о слабом правителе объявлялось выдумкой консервативных историков [12. С. 17]. По свидетельству А.И. Петровского, добная память о П.Х. Граббе жила в станицах еще в начале XX в. [Там же. С. 38]. Таким образом, для значительной части донского общества в качестве своеобразного образцового атамана неказачьего происхождения выступал генерал от кавалерии Павел Христофорович Граббе. Но почему?

Прежде всего, П.Х. Граббе был единственным донским атаманом второй половины XIX в., без преувеличения прославившим себя на военной стезе. Интересно, что такие разные авторы, как А.А. Волченко, А.А. Карасев и А.И. Петровский использовали для его характеристики оборот «герой войны» [2. С. 112; 6.

С. 108; 12. С. 16]. А.Л. Потапов и М.И. Чертков были, по существу, чиновниками в военных мундирах, Н.А. Краснокутский и Н.И. Святополк-Мирский до назначения на Дон командовали дивизиями, не слишком выделяясь на этом поприще [1; 6. С. 112], в то время как П.Х. Граббе возглавлял все русские войска на Кавказской линии в разгар войны с Шамилем [13. С. 378]. На наш взгляд, он был единственным донским атаманом периода 1848–1917 гг., вписавшим свое имя в российскую военную историю. Хотя этот факт не представляется нам определяющим, он, безусловно, способствовал формированию особой ауры вокруг имени П.Х. Граббе.

Для создания этой ауры были важны и личные качества атамана. Его добродушие, судя по всему, хорошо запомнилось казакам. Нам представляются особенно показательными в этом отношении «Картины былого Тихого Дона» П.Н. Краснова, на страницах которых об атаманах XIX в. рассказывается крайне скромно, а главная роль в управлении Донским войском приписывается членам дома Романовых. А.Л. Потапов и М.И. Чертков упоминаются автором без какого-либо описания их деятельности [14. С. 447]. П.Х. Граббе также не удостаивается никакой характеристики как правитель края, зато целый абзац посвящен его любви к детям и вниманию к первой донской частной газете [Там же. С. 444–445]. Суровые к другим атаманам тексты А.А. Карасева и А.И. Петровского превращаются в настоящий панегирик, когда дело доходит до «исключительно благородной» и «чуждой всякой несправедливости» личности П.Х. Граббе [6. С. 108–109; 12. С. 16–17]. А.А. Волченко делает акцент на других качествах старого генерала: важных для представительства «нарядной наружности» и «пышном красноречии» [2. С. 112]. Наконец, не только сам П.Х. Граббе сумел оставить о себе у казаков такую благодарную память, но и его семья запомнилась «искренней любезностью и простотой обращения» [6. С. 109].

Но, на наш взгляд, ни личные качества, ни боевые заслуги атамана не произвели бы на казаков такого впечатления, если бы не проводимая им политика. Согласно воспоминаниям Д.А. Милютина, П.Х. Граббе был назначен на Дон, чтобы сломить сопротивление так называемой «консервативной казачьей партии», или «казакоманов», выступавших за полное сохранение казачьих привилегий. Сам военный министр видел в старом генерале не только «сильную руку» (по его мнению, несмотря на возраст, П.Х. Граббе был «довольно бодр и телом и духом»), но и боевого товарища [13. С. 376–378]. Между тем, по свидетельству А.А. Карасева, вполне согласующемуся с наблюдениями других авторов, большая часть донской элиты и чуть ли не все рядовые казаки симпатизировали «казакоманским» идеям, идеям о нерушимости важнейших традиций Донского войска [15. С. 570–571]. И, к неудовольствию военного министра, П.Х. Граббе, едва приступив к выполнению своих обязанностей, попал под «очарование» «казакоманов» [13. С. 378–379].

Ситуация, существовавшая на Дону в период атаманства П.Х. Граббе, была уникальна для второй половины XIX в.: атаман не только не был простым исполнителем воли правительства, но и фактически противостоял ей, максимально поддерживая местную казачью оппозицию. Ему даже удалось добиться допуска в специальную комиссию, проектирующую новое положение о Донском войске, депутатов от каждой станицы [16. С. 16]. Как отмечает А.А. Волченко, благодаря этим действиям разработанный при П.Х. Граббе проект положения отражал позицию консервативного большинства казаков, а не военного министерства, что и предопределило его отклонение центральным правительством [2. С. 113]. Несмотря на эту неудачу, та модель отношений военное министерство–атаман–донское казачество, которая сложилась при П.Х. Граббе, очевидно, в наибольшей степени соответствовала чаянием местной элиты. Б.С. Корниенко предлагает рассматривать межгрупповое противостояние на Дону в начале XX в. в категориях «свой» (казак)–«чужой» (ингородний) [3. С. 32–33]. На наш взгляд, подобное противостояние было актуально для Дона уже к 1860-м гг. И парадоксальным образом, судя по анонимным письмам, направлявшимся М.И. Черткову, и свидетельствам А.И. Петровского, «своим» для казаков из донских атаманов эпохи Великих реформ удалось стать только неславянину по происхождению П.Х. Граббе, четко позиционировавшему себя в качестве защитника казачьих традиций перед центральной властью.

В этой связи любопытно обратиться к записным книжкам самого П.Х. Граббе. К сожалению, последние годы жизни генерала освещены в них крайне отрывочно. Об управлении Доном не написано ни слова, зато в черновике письма к И.С. и С.С. Аксаковым атаман описал устроенное ему в Новочеркасске в честь служебного юбилея торжество. П.Х. Граббе отмечал, что такие юбилеи часто бывают вежливой формальностью, и особенно подчеркивал теплое и семейное отношение к нему казаков. Частью этого отношения старый атаман считал и предложение «донского гражданства», которое обещал принять, «если будет дозволено» [17. С. 745]. Данный эпизод заслуживает особого внимания. Дело в том, что на момент назначения П.Х. Граббе на Дон традиции принимать атаманов в казаки не существовало. Единственный до него не казачий атаман, М.Г. Хомутов, подобного отличия не получил [6. С. 108]. Таким образом, восприятие казаками старого генерала как «своего» получило практическое воплощение в принятии его в донские казаки, случившемся неожиданно для правительства по инициативе снизу (как ясно из приведенной цитаты, сам оппозиционный атаман не был уверен, что такая самодеятельность будет одобрена). В дальнейшем принятие атамана в казаки стало традицией [Там же. С. 108], и его внутреннее содержание оказалось выхолощено, но в случае с П.Х. Граббе мы, как нам кажется, можем говорить именно о символическом акте.

Популярности П.Х. Граббе не препятствовала, а, возможно, даже способствовала его неспособность справиться с текущими проблемами по управлению краем. По свидетельству В.Д. Новицкого, расхищение воинского имущества при П.Х. Граббе достигло невиданных прежде масштабов. При этом кража войсковой собственности не воспринималась казаками как преступление: она считалась принадлежащей не государству, но «каждому казаку» [4. С. 54]. А.А. Карасев вообще считал, что старый атаман был неспособен к практическому управлению [6. С. 108], что, на наш взгляд, ярко проявилось при проведении крестьянской реформы на Дону [18. Р. 140–141]. Но при этом его личность была выше всяких подозрений: В.Д. Новицкий связывал неспособность остановить рост казнокрадства исключительно с добротой генерала [4. С. 54], а А.А. Карасев подчеркивал, что только П.Х. Граббе из неказачьих атаманов Дона был совершенно чужд использованию должности для достижения личных или семейных интересов [6. С. 108]. Складывалась парадоксальная ситуация: авторитет генерала был настолько высок, его личность настолько уважаема, а доброта настолько известна, что вину за неудачи в управлении краем современники не возлагали лично на П.Х. Граббе.

М.И. Чертков был первым атаманом, назначенным после отбытия П.Х. Граббе с Дона. Возможно, именно в связи с популярностью старого генерала тот был не сразу отправлен в отставку, но сначала переведен на специально созданную для него синекуру «войского атамана», пока фактическая власть постепенно сосредоточивалась в руках нового наказного атамана А.Л. Потапова [6. С. 109]. П.Х. Граббе, по крайней мере на бумаге, выражал «удовольствие» по поводу назначения в его распоряжение столь «опытного сотрудника» [17. С. 744]. Таким образом, А.Л. Потапов в свое первое время на Дону был хоть немного защищен от местного общества фигурой авторитетного в казачьей среде начальника. М.И. Чертков подобной защиты не имел. Кроме того, бывшего губернатора неизбежно должны были сравнивать с маститым предшественником, а более разных фигур среди донских атаманов второй половины XIX в. было трудно найти: глубокий стариk, прославивший свое имя во множестве войн и походов, и неестественно молодой для своей должности человек, не слишком выделяющийся из других «кординарных» губернаторов; офицер,озведенный в графское достоинство за личные заслуги перед Российской империей, и потомок старинного рода, во многом обязанный своей карьерой родственным связям; наконец, самое имя П.Х. Граббе вызывало ассоциации с прославленными современниками, прежде всего с А.П. Ермоловым [17. С. 745], а М.И. Чертков ассоциировался в лучшем случае со своим родственником П.А. Шуваловым.

В этих условиях должность донского атамана была совсем не такой легкой, как представлялось А.Л. Потапову. По интереснейшему свидетельству В.Д. Новиц-

кого, неуспех М.И. Черткова на ней был связан не с ошибочной политикой или неудачными решениями. Именно личная непопулярность генерала достаточно быстро дошла до таких размеров, что его начинания не находили поддержки на местах, а он сам и его семья стали объектом настоящей травли со стороны казаков [4. С. 55]. На наш взгляд, существовало несколько факторов, бесповоротно сделавших М.И. Черткова не просто «чужим», но нетерпимым для местных жителей начальником, и они были связаны главным образом с его характером и личной жизнью.

Во многих текстах о М.И. Черткове, созданных его современниками и их ближайшими потомками, особое внимание уделяется жене донского атамана, Ольге Ивановне. Этот брак изначально был связан со скандалом: молодой генерал, только что назначенный воронежским губернатором, влюбился в жену местного полицмейстера и после ее развода с мужем женился на ней. По свидетельству С.Ю. Витте, даже при дворе такой брак был встречен с неодобрением [8. С. 113], а на Дону вообще ходили слухи, что атаман некогда купил свою жену у ее прошлого мужа за 200 000 руб. [12. С. 18–19]. Ситуацию усугубляло то, что О.И. Черткова по происхождению была еврейкой [8. С. 113; 12. С. 18–19]. Да и ее отношения с безусловно влюбленным в нее атаманом были далеки от традиционных представлений о нормальном браке. В частности, по сообщению А.И. Петровского, уже на Дону О.И. Черткова почти открыто сожительствовала с В.Д. Мартыновым, состоявшим при ее муже чиновником для особых поручений. Сам М.И. Чертков прекрасно об этом знал, но попытки повлиять на жену и заставить ее прекратить эту связь успехом не завершились [12. С. 18–19]. Эта история подтверждается и другими источниками, согласно которым даже скандал в собственном семействе донской атаман смог разрешить только с помощью своих влиятельных покровителей: лично П.А. Шувалов был вынужден просить Александра II перевести В.Д. Мартынова ко двору, в адъютанты цесаревича [19. С. 372–373].

Таким образом, уже само происхождение О.И. Чертковой, обстоятельства ее брака и взаимоотношения с мужем должны были вызывать серьезное неодобрение в достаточно консервативной казачьей среде. Но в анонимном письме, хранящемся в фонде Х.И. Попова, акцент делается на вмешательстве жены атамана в дела управления Донским краем, вмешательстве своеобразном, и общему процветанию не способствующем. По мнению авторов письма, «для того, чтобы получить служебное место, полк, батарею, надо было искать милого покровителя Ольги Ивановны; надо было танцевать, нравиться, интриговать, толковать дворцовые предания, гнуться, изгибаться... как это все развернуто, и как это все было позорно!» [5. Ф. 55. Оп. 1. Д. 321. Л. 3 об.]. Важно отметить, что П.Х. Граббе и А.Л. Потапов в целом были чужды системе фаворитизма [6. 108–110], и поэтому его пышный расцвет на Дону в эпоху М.И. Черткова давал много возможностей критикам атамана.

В конце концов О.И. Черткова стала, по выражению современника, «ненавистна всему Дону по непопулярному, по отзыву казачества, до крайности своему направлению и характеру и по вмешательству в служебные дела мужа» [4. С. 55]. Едва ли такое отношение было в полной мере ею заслужено. Во всяком случае, С.Ю. Витте, знавший ее в Киеве, напротив, оценивал столь раздражавшую казаков женщину как «очень порядочную» и «довольно образованную». Однако он также признавал, что О.И. Черткова была весьма неординарной дамой и своими «оригинальными выходками» многих выводила из себя [8. С. 113–114]. А.А. Карасев, признавая вредное влияние на М.И. Черткова его родственников, «счел излишним упоминать», как это влияние проявилось в деятельности атамана, причем эта деятельность в целом оценивалась донским краеведом достаточно высоко [6. С. 111]. На наш взгляд, демонизация О.И. Чертковой донскими казаками произошла во многом из-за ее абсолютной чуждости консервативному донскому обществу и его традициям, следствием чего стало крайнее преувеличение ее действительно имевших место отрицательных качеств.

Ситуацию могло бы исправить формирование в донской среде позитивного образа самого атамана, однако М.И. Чертков не умел, да, по-видимому, и не слишком пытался нравиться людям. С.Ю. Витте отмечал, что генерал всегда придерживался «некоторого высокомерного тона», не изменяя ему даже перед императором [8. С. 114]. В.Д. Новицкий, принадлежавший к личному окружению М.И. Черткова, признавал, что его покровитель был горд и недоступен, замкнут и неразговорчив [4. С. 55, 60]. Об этой стороне личности атамана лучше всего свидетельствует эпизод из его дальнейшей биографии, который мы позволим себе привести. Во время пребывания на посту киевского генерал-губернатора М.И. Чертков в очередной раз стал мишенью для критики за использование служебного положения в личных целях. Он купил себе имение под Киевом и всерьез занялся его обустройством. Вероятно, серьезных нарушений генерал-губернатор не допустил, однако сама покупка породила массу слухов и привела к назначению сенатской ревизии [Там же. С. 66–68]. Именно в связи с этой ревизией М.И. Чертков покинул пост киевского генерал-губернатора [8. С. 114]. Однако, по сообщению В.Д. Новицкого, ревизия не выявила никаких злоупотреблений. Зато М.И. Чертков счел сам факт ее назначения за личное оскорбление и немедленно поругался с руководившим ею сенатором А.А. Половцовым. Не стерпев подобной обиды, генерал немедленно попросил уволить себя с занимаемой должности [4. С. 68].

Как мы видим, на простую проверку свой деятельности на посту киевского генерал-губернатора М.И. Чертков отреагировал крайне остро и не только не попытался ответить на критику и сохранить высокую должность за счет придворных связей, но и добровольно покинул ее вследствие выдуманного им самим

«оскорблений», предварительно поссорившись с ревизором. Нам представляется, что на Дону атаман демонстрировал схожее поведение. Правда, «рассорился» он не с конкретным человеком, а со всем донским обществом: к середине 1870-х гг. отношение М.И. Черткова к казакам стало откровенно негативным. По мнению В.Д. Новицкого, виноваты в этом были сами местные жители, восстановившие своими письмами против себя все семейство Чертковых [4. С. 55]. Сами авторы анонимок, разумеется, возлагали вину на атамана, не скрывавшего, что он назначает на важные должности «кого угодно, только не из донских». Они считали, что М.И. Чертков подобной политикой оскорблял все донское казачество, причем неумышленно: атаман вовсе не считал, что на Дону нет достаточно компетентных чиновников, но действовал из обычной своей «ступой несообразительности» [5. Ф. 55. Оп. 1. Д. 321. Л. 2 об.–3].

И действительно, кадровая политика М.И. Черткова была не столько казакофобской, сколько просто неудачной. Вот как характеризовал ее весьма благожелательный к атаману В.Д. Новицкий: «М.И. Чертков был почти помешан на представительстве – избрании на должности людей или богатых, или с титулованными фамилиями, что шло положительно в ущерб службы; дарованиями людей и познаниями он не дорожил; предпочитал бездарности, кои умели выставлять свою наружную представительность, с богатствами, денежными средствами, графскими или княжескими титулами» [4. С. 69]. На Дону быстро раскусили эту особенность атамана. Б.М. Калинин писал, что начальник донской артиллерии П.А. Башилов с 1870 г. начал уделять особое внимание своим лошадям, экипажу и домашней обстановке, чтобы нравиться начальнику [7. С. 200]. Однако подобные траты были по плечу далеко не всем, и даже небедные офицеры и чиновники с трудом поддерживали тот уровень роскоши, который был необходим для удовлетворения атамана [12. С. 19]. О степени этой роскоши можно судить уже по тому обстоятельству, что финансовое благосостояние самого М.И. Черткова, владевшего 26 000 десятин земли, оказалось серьезно подорвано за время его пребывания на Дону [4. С. 66].

Но в итоге казаки все равно проигрывали в отношении представительности лицам высшего света, и донской атаман, согласно оценке местной элиты, оказывался в основном окружен «кочующими генералами» и «выписанной дворцовой сволочью» [5. Ф. 55. Оп. 1. Д. 321. Л. 2], то есть «чужаками». М.И. Черткова прямо обвиняли в покровительстве «родовым и сословным привилегиям», ради которых он создал в Новочеркасске целую систему фаворитизма, выписывая со всей империи бездарных, но удовлетворяющих его требованиям администраторов и игнорируя представителей казачества [Там же. Л. 2–3]. При этом пышность и богатство атаманского двора отнюдь не воспринимались местными жителями как нечто необходимое: как мы писали выше, к числу привлекательных качеств

П.Х. Граббе и членов его семьи казачьи авторы относили любезность и простоту. А вот М.И. Чертков за свою деятельность, связанную с представительностью, характеризовался ими как «барин» [6. С. 110; 12. С. 18], при том что в Донском войске традиции «барства», т.е. помещичьей жизни, не связанной с военной службой, отсутствовали.

Не казачье окружение атамана должно было вызывать особое возмущение в традиционно закрытом донском обществе. По свидетельству В.Д. Новицкого, «казаки-донцы неохотно принимали в свою среду лиц, по происхождению не из казаков, и относились к ним враждебно» [4. С. 52]. Но, как и в Киеве, М.И. Чертков не признавал своих ошибок, не пытался убедить критиков в своей правоте, он хотел просто уйти с опостылевшей ему должности. О его страстном желании покинуть Дон писали как В.Д. Новицкий [Там же. С. 55], так и авторы анонимок [5. Ф. 55. Оп. 1. Д. 321. Л. 5]. Как и в Киеве, слухи приписывали М.И. Черткову даже то, чего он не совершил: из-за замкнутости и непопулярности атаман считался автором чужих неудачных проектов и решений, а вот эффективные действия, предпринятые с его участием, ассоциировались у казаков с другими людьми.

Причины подобного искаженного восприятия легко проследить на примере событий в донской артиллерии. Именно при М.И. Черткове была создана школа артиллерийских урядников и серьезно повышен качество подготовки донских артиллерийских офицеров, но современники связывали организацию системы правильного образования артиллеристов с личностью начальника донской артиллерии П.А. Башилова [7. С. 200–201]. На самом деле, как мы показали в одной из прошлых своих работ, проект создания школы урядников был разработан еще предшественником П.А. Башилова, Г.П. Мамаевым, при активном участии М.И. Черткова. Правила подготовки донских артиллерийских офицеров в Санкт-Петербурге вообще были изменены по решению Главного Артиллерийского Управления, вопреки позиции донских властей. П.А. Башилов отвечал только за практическую реализацию этих решений, принятых без его участия [20. С. 109–116].

Зато артиллерийский генерал, очевидно, воспринимался казаками как «свой». Летописец донской артиллерии, дослужившийся в ней до генеральских чинов, свидетель событий 1860–1870 гг. Б.М. Калинин писал, что «имя генерала Петра Александровича Башилова заняло почетное (если не самое почетное) место среди командиров донской артиллерии» [7. С. 219]. Даже очевидные ошибки П.А. Башилова описывались современниками с четким разъяснением оправдывающей их логической мотивации (в рамках нашего исследования неважно, делился ли сам артиллерист причинами своих решений с подчиненными или они придумывали их постфактум, чтобы оправдать любимого начальника). Например, в 1875 г. П.А. Башилов провел массовую закупку слишком молодых и поэтому заведомо негод-

ных к службе лошадей, но Б.М. Калинин объяснял это решение невозможностью приобрести других и надежной на то, что в ближайший год правительство не будет требовать батарей с Дона, и за это время кони подрастут [7. С. 218–219]. А вот неудачные действия М.И. Черткова не получали в работах Б.М. Калинина никаких объяснений и позиционировались как важнейшее препятствие на пути развития донской артиллерии [Там же. С. 200–211]. Важно отметить, что этому способствовала не только непопулярность атамана, но и его закрытость. Например, как показывают архивные документы, откровенно неудачная идея создания артиллерийских классов при Новочеркасском юнкерском училище была предложена Главным Артиллерийским Управлением [5. Ф. 46. Оп. 1. Д. 911. Л. 85–89, 96–107]. Однако Б.М. Калинин даже не догадывался об этом и приписывал проект артиллерийских классов ненавистному атаману [7. С. 208]. Ничего удивительного, что в условиях, когда конкретные авторы проектов и решений не были точно известны, общественное мнение приписывало непопулярному М.И. Черткову только те из них, которые не пользовались поддержкой у казаков. Позиция самого генерала, не выпячивавшего свои заслуги, не акцентировавшего внимание на реальном авторстве спорных решений и не опровергавшего возникающие в результате слухи, только способствовала демонизации его образа.

Таким образом, крайнюю непопулярность М.И. Черткова на посту донского атамана следует связывать в первую очередь с личностными факторами: назначением на Дон вскоре после ухода авторитетного П.Х. Граббе, которому молодой генерал представлял полную противоположность; фигурой жены, О.И. Чертковой, активно вмешавшейся в дела по управлению краем; желанием окружить себя «представительными» людьми, как правило, не казачьего происхождения, а также с замкнутостью, гордостью и бескомпромиссностью, проявлявшимися, в числе прочего, и в нежелании оправдываться за принятые решения. Проводимая им политика к этой непопулярности имела только косвенное отношение, и даже авторы анонимного письма против молодого генерала смогли привести только два конкретных обвинения, якобы указывавших на его некомпетентность: сложившуюся в Новочеркасске «систему фаворитизма» и продажу в частные руки войсковой железной дороги [5. Ф. 55. Оп. 1. Д. 321. Л. 1–5]. Однако к «непотизму», по свидетельству А.А. Каравесова, были склонны вообще все донские атаманы этого периода, кроме П.Х. Граббе и, в меньшей степени, А.Л. Потапова [6. С. 108–110], а продажа железной дороги, наряду с другими предпринятыми новым атаманом мерами, позволила к концу его правления восстановить финансовое благополучие войска, сильно подорванное его предшественниками [21. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1937. Л. 18]. На наш взгляд, в отрыве от личных качеств генерала ни одно из этих обвинений не создало бы ему такой плохой репутации в донском обществе.

Поэтому мы не будем подробно останавливаться на деятельности М.И. Черткова на посту донского атамана. Отметим лишь, что генерала, с некоторыми оговорками, можно было рассматривать как «главного проводника правительственной политики на Дону», т.е. в системе взаимоотношений военное министерство–атаман–донское казачество он занял традиционную, в отличие от П.Х.Граббе, позицию. Однако по сравнению со своими более популярными преемниками М.И. Чертков позволял себе определенные вольности [2. С. 117], эпизодически поддерживая представителей казачества в борьбе против важных правительственных решений. Например, атаман был противником так называемой конскрипционной системы службы, в соответствии с которой каждое казачье войско должно было выставлять фиксированное количество строевых и льготных частей, а оставшиеся за штатом казаки полностью освобождались от призыва в обмен на уплату фиксированного налога. В конце 1860-х гг. военное министерство пыталось распространить эту систему на все казачьи войска, вопреки желанию донского казачества [22. С. 68–71]. Но когда М.И. Черткову было предложено составить отзыв о возможности введения конскрипционной системы на Дону [21. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. Л. 67], генерал просто проигнорировал распоряжение из Санкт-Петербурга, не дав на него ни положительного, ни отрицательного ответа. Данная тактика оказалась вполне успешной: в военном министерстве то ли забыли о посланном на Дон документе, то ли были уверены, что по нему ведется долгосрочная работа. Кстати, атаман часто применял подобные «неортодоксальные» методы аппаратурной борьбы: например, после того как имперские власти внесли не устраивающие его изменения в проект военного управления Донским войском, он затребовал уже готовый к обсуждению в Военном Совете документ в Новочеркасск для «доработки», которая так и не была завершена [23. Р. 744–752].

Разумеется, борьба вокруг введения конскрипционной системы на Дону не ограничивалась одним этим эпизодом. Бурные дискуссии вокруг нее шли с начала 1860-х гг., причем большинство донских казаков отстаивали принцип поголовного несения воинской повинности, а представители военного министерства выступали против него [16. С. 12–20; 22. С. 68–71]. Но именно при М.И. Черткове при активном участии атамана позиция донского казачества победила. О роли генерала в подготовке военной реформы на Дону в 1870-е гг. мы подробно писали в своей монографии [24. С. 120–132]. С тех пор А.А. Волченко опубликовал отрывки из любопытной переписки М.И. Черткова с начальством, посвященной подготовке этой реформы. Еще в 1871 г. начальник Главного управления иррегулярных войск А.П. Богуславский убеждал донского атамана не забывать о возможных выгодах от распространения на Дон конскрипционной системы службы [2. С. 90]. Однако генерал продолжал стоять на прежних позициях, подчеркивая, что «коренной принцип общеобязательной для казаков службы, теперь тем бо-

лее, когда это начало предполагается установить для всей империи, должен быть удержан в своей силе» [2. С. 91].

Борьба М.И. Черткова против введения конскрипционной системы службы на Дону была тем более важна, что к началу 1870-х гг. эта система была реализована в Оренбургском, Кубанском, Терском, Сибирском, Астраханском и Забайкальском войсках. Нам представляется, что другой атаман мог бы обеспечить себе популярность в войске только за счет этой борьбы. Однако для этого следовало позиционировать себя в качестве защитника казачьих традиций и самого казачества, а также установить прямой контакт с представителями местной элиты. Именно так вели себя пользовавшиеся поддержкой среди казаков А.М. Дондуков-Корсаков [25. Р. 19–37] и Ф.Ф. Таубе [3. С. 73–109]. М.И. Чертков, напротив, противопоставлял себя казакам, разрабатывавшим проект реформы, акцентируя внимание на тех пунктах, в которых он был с ними не согласен [21. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1937. Л. 12–19]. Остается констатировать, что, хотя донской атаман не был таким «оппозиционером», как П.Х. Граббе, элементы самостоятельности в проводимой им политике в иных условиях могли принести ему популярность в местном обществе. Однако в глазах казаков личные качества М.И. Черткова, делавшие его «чужим» и нетерпимым, имели большее значение, чем борьба с крайне непопулярной на Дону конскрипционной системой.

Заключение. Правительство высоко оценивало результаты пребывания М.И. Черткова на его посту. В связи с уходом атамана с должности Александр II послал ему высочайший рескрипт, в котором характеризовал его деятельность как «выдающуюся» [6. С. 111]. По оценке современного ученого, «за 6 лет атаманства М.И. Черткова войско Донское торжественно отпраздновало свое официальное 300-летие (1870), срочные участки земли наконец получили своих собственников (1870), были проведены судебные преобразования (1870–1873), закончена подготовка проекта по введению земского самоуправления на Дону и, главное, проведена военная реформа, утвердившая принцип общеобязательности казачьей службы» [2. С. 117–118].

Но за этой картиной внешне удачного правления скрывался острейший конфликт атамана и донского общества. Он почти не нашел отражения в отечественной историографии потому, что его причины заключались не в политических и экономических проблемах, в наибольшей степени привлекавших историков казаче-

ства второй половины XIX в. Сама личность М.И. Черткова была нетерпима для донских казаков. Брак с разведенной еврейкой, влияние, оказываемое женой на решения атамана, замкнутость, гордость, высокомерие, желание окружить себя не казаками по происхождению сделали М.И. Черткова не только абсолютно «чужим», но и нетерпимым для донского общества человеком, приказы которого на местах часто не исполнялись, а семья подвергалась травле десятками анонимных писем. Он не мог рассчитывать даже на справедливость: как мы показали реальные успехи, достигнутые с участием атамана, приписывались его подчиненным, а самому М.И. Черткову оставалась незавидная часть быть в глазах местной элиты автором чужих неудачных идей и проектов. Неразговорчивый и недоступный, генерал не пытался оправдаться, вместо этого открыто стремясь уйти с постылой ему должности.

Конфликт донского общества и М.И. Черткова позволяет понять некоторые особенности донской истории XIX в. Прежде всего, они касаются взаимоотношений военного министерства, донского атамана и казачества. Очевидно, с точки зрения казаков атаман должен был быть, подобно П.Х. Граббе, защитником донских традиций, не боящимся проводить абсолютно самостоятельную политику. Но подобная трактовка категорически не устраивала военное министерство, видящее в атамане скорее «главного проводника правительственной политики на Дону», чужого для казаков (чему должна была способствовать практика назначения атаманов невойскового сословия). К таким правителям края казачество было в целом равнодушно, и его активного возмущения не вызвала политика ни «деспота» А.Л. Потапова, ни «проклятого» М.Г. Хомутова. Тем не менее даже к такому атаману местное общество выдвигало некоторый минимум требований, при несоответствии которым из категории просто «чужих» он переходил в категорию «нетерпимых». Именно это и произошло с М.И. Чертковым по указанным выше причинам: личность атамана оказалась важнее его политики, и казаки не оценили ни проведенных им реформ, ни той поддержки, которую генерал оказал идею поголовного несения воинской повинности. И человек, которого один из крупнейших донских краеведов считал имевшим «все вероятия быть выдающимся руководителем в управлении Донским краем» [6. С. 110–111] быстро ушел с должности атамана по собственному желанию, очевидно, не реализовав на ней всего своего административного потенциала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тикиджян Р.Г. Войсковой наказной атаман, князь Н.И. Святополк-Мирский (1881–1898) // Донской временник. 1998. URL: http://donvrem.dspl.ru/Files/article/m3/0/art.aspx?art_id=97 (дата обращения: 27.02.2017).
2. Волвенко А.А. Очерки по истории донского казачества в позднеимперский период (II пол. XIX – нач. XX вв.). Ростов н/Д, 2017. 226 с.
3. Корниенко Б.С. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб., 2013. 232 с.
4. Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М., 1991. 250 с.
5. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО).

6. Карапев А.А. Донские атаманы за последние полвека // Русский архив. 1899. Кн. 2. С. 106–116.
7. Калинин Б.М. Материал для истории Донской артиллерии. Новочеркасск, 1907. 274 с.
8. Витте С.Ю. Воспоминания. Л., 1924. Т. 3. 416 с.
9. Валуев П.А. Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. М., 1961. Т. I : 1861–1864 гг. 425 с.
10. Валуев П.А. Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. М., 1961. Т. II : 1865–1876 гг. 592 с.
11. Альманах современных русских государственных деятелей. СПб., 1897. 1250 с.
12. Петровский А.И. Опись войсковым, наказным и войсковым наказным атаманам, в разное время в города Черкасск, а затем Новочеркасск для управления Областью войска Донского от высшего начальства поставленным. (1738–1916 гг.). Новочеркасск, 1916. 40 с.
13. Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1860–1862. М., 1999. 559 с.
14. Краснов П.Н. Картины былого Тихого Дона. СПб., 1909. 522 с.
15. Карапев А.А. Записка князя А.М. Дондукова-Корсакова о Земле Войска Донского // Русский архив, 1896. Кн. 12. С. 569–591.
16. Волченко А.А. Донское казачество в правительской политике эпохи «Великих реформ» (1860–1870 гг.) // Известия Самарского центра Российской академии наук. 2014. Т. 16, № 3. С. 12–20.
17. Граббе П.Х. Записная книжка графа П. Х. Граббе. М., 1888. 750 с.
18. Peretyatko A.Y. The dark side of the Emancipation Reform of 1861 on the Don region: the history of the resettlement of one of the peasant community according the material of atamanskaya kontselyariya // Bylye Gody. 2016. Vol. 39, is. 1. P. 137–145.
19. Половцов А.А. Дневник государственного секретаря. М., 2005. Т. II : 1887–1892. 639 с.
20. Перетятько А.Ю. Военное обучение донских казаков перед русско-турецкой войной 1877–1878 гг.: создание школы урядников-артиллеристов и преобразование класса донских урядников // Юг России и сопредельные страны в войнах и военных конфликтах. Ростов н/Д, 2016. С. 109–116.
21. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).
22. Волченко А.А. Концепция войскового (неслужилого) гражданина: замыслы и практика (1860–1870-е гг.) // Primo Aspectu. 2016. № 4 (28). С. 68–71.
23. Peretyatko A.Y. The reform of the military administration of the Don Cossacks in 1866–1874: realization of the project, which was never approved // Bylye Gody. 2016. Vol. 41, is. 3. P. 744–752.
24. Перетятько А.Ю. Военная организация и военное управление Области войска Донского во второй половине XIX века. Ростов н/Д, 2014. 236 с.
25. Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I // Russkaya Starina. 2015. Vol. 13, is. 1. P. 19–37.

Peretyatko Artyom Y. International Network Center for Fundamental and Applied Research, (Sochi, Russia). E-mail: ArtPeretatyko@yandex.ru

«WE HATE WITH THE ALL FORCE OF OUR HEARTS SLAVE TYRANNY, WHICH REIGNED IN EVERY PART OF YOUR GOVERNANCE»: ABOUT THE REASONS FOR THE UNPOPULARITY OF THE ATAMAN M.I. CHERTKOV ON THE DON.

Keywords: M.I. Chertkov; P.H. Grabbe; Don Cossacks; the ataman of the Don Cossacks; public opinion.

The figures of the Don atamans, who ruled the Don Host Oblast in the second half of the XIX century, until now attracted little attention of researchers. All of them were not Cossack origin, but the question about their relationship with the Don society remains unexplored. Meanwhile, these relationships were quite important for the history of the Don. For example, General M.I. Chertkov, the Don Ataman in 1868–1874, left the post at his own volition, because he and his family were the targets for a hail of anonymous letters from Don Cossacks. V.D. Novitsky, who was the confidant of ataman, wrote that the policy of M.I. Chertkov was ineffective, because general was very unpopular among the Cossacks. We have tried to specify what qualities of M. I. Chertkov made him so unpopular and why this experienced administrator could not realize his potential on the Don. Our research is based on archival materials of the State archive of the Rostov region (GARO) and Russian state military and historical archive (RGVIA), memoirs of the ataman's contemporaries (P.A. Valuyev, D. A. Milyutin, S. Yu. Witte, D. V. Novitsky, B. M. Kalinin, etc.) and the works of modern historians. According to the evaluation of the majority of contemporaries, M.I. Chertkov was an extraordinary person. Many memoirists emphasized the general's wife, a divorced Jewish woman, who had a great influence on her husband. This marriage was unacceptable for the conservative and xenophobic Don society, and the wife of M.I. Chertkov, O.I. Chertkova, aroused hatred among the Don Cossacks. Cossacks were negative to the rest of the ataman's entourage: M.I. Chertkov preferred the rich and titled officials, regardless of their working talents. Don officers could not stand competition with representatives of the Russian aristocracy, and, contrary to the traditions of the Don, non-Cossack officials increasingly surrounded the ataman. Finally, M.I. Chertkov was closed, arrogant and touchy. Therefore, he remained unpopular, despite some successful reforms. However, the Don society attributed these reforms to the popular companions of the ataman: for example, the reforms of the Don artillery in the early 1870 for memoirists associated with its chief P.A. Bashilov, but that does not correspond to archival documents. The authors of the anonymous letters believed that the ideal ataman was P.H. Grabbe, who failed to make significant reforms, but had outstanding personal qualities (the Cossacks remembered his kindness half a century later) and defended the traditions of the Don. We came to the conclusion that the Don Cossacks divided the non-Cossack atamans into “their”, “outsider” and “intolerable”. The basis for this division was not only the policy, but also the character of the atamans, and even their family life. P.H. Grabbe could become “their” for the Cossacks, and therefore the Don authors described him benevolently, despite the unsuccessful administrative activity. Other examples of “their” can be A.M. Dondukov-Korsakov and F.F. Taube. A lot of the atamans were “outsider”, and the Cossacks carried out their orders without sympathy. But M.I. Chertkov became “intolerable” for the Don society, and was forced to leave the post of ataman despite the successful implementation of crucial reforms.

REFERENCES

1. Tikidzhyan, R.G. (1998) Voyskovoy nakaznay ataman, knyaz' N.I. Svyatopolk-Mirskiy (1881–1898) [The military commander ataman, Prince N.I. Svyatopolk-Mirsky (1881–1898)]. *Donskoy vremennik*. [Online] Available from: http://donvrem.dspl.ru/Files/article/m3/0/art.aspx?art_id=97. (Accessed: 27th February 2017).
2. Volvenko, A.A. (2017) *Ocherki po istorii donskogo kazachestva v pozdneimperskiy period (II pol. XIX – nach. XX vv.)* [Essays on the history of the Don Cossacks in the late imperial period (the second half of the 19th – early 20th centuries)]. Rostov-on-Don: Rostov State Economical University.
3. Kornienko, B.S. (2013) *Pravyy Don: kazaki i ideologiya natsionalizma (1909–1914)* [The Right Don: Cossacks and the ideology of nationalism (1909–1914)]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg.
4. Novitskiy, V.D. (1991) *Iz vospominaniy zhandarma* [From the memoirs of the gendarme]. Moscow: Moscow State University.
5. The State Archives of Rostov Region (GARO).
6. Karasev, A.A. (1899) Donskie atamany za poslednie polveka [The Don atamans over the past fifty years]. *Russkiy arkhiv*. 2. pp. 106–116.
7. Kalinin, B.M. (1907) *Material dlya istorii Donskoy artillerii* [Material for the history of the Don artillery]. Novocherkassk: [s.n.].
8. Witte, S.Yu. (1924) *Vospominaniya* [Memoirs]. Vol. 3. Leningrad: Gos. izdatel'stvo.
9. Valuev, P.A. (1961a) *Dnevnik P.A. Valueva, ministra vnutrennikh del* [Diary of P.A. Valuev, Minister of Internal Affairs]. Vol. 1. Moscow: USSR AS.
10. Valuev, P.A. (1961b) *Dnevnik P.A. Valueva, ministra vnutrennikh del* [Diary of P.A. Valuev, Minister of Internal Affairs]. Vol. 2. Moscow: USSR AS.
11. Goldberg, G.A. (1897) *Al'manakh sovremennykh russkikh gosudarstvennykh deyateley* [Almanac of Modern Russian Statesmen]. St. Petersburg: I. Goldberg.
12. Petrovskiy, A.I. (1916) *Opis' voyskovym, nakaznym i voyskovym nakaznym atamanam, v raznoe vremya v goroda Cherkassk, a zatem Novocherkassk dlya upravleniya Oblast'yu voyska Donskogo ot vysshego nachal'stva postavленnym. (1738–1916 gg.)* [The list of military, appointed and military-appointed atamans at various times, in the cities of Cherkassk, and then Novocherkassk for the control of the area of the Don army (1738–1916)]. Novocherkassk: Tipografya Oblasti Voyska Donskogo.
13. Milyutin, D.A. (1999) *Vospominaniya general-fel'dmarshala grafa Dmitriya Alekseevicha Milyutina. 1860–1862* [Memories of General-Field Marshal Count Dmitry Alekseevich Milyutin. 1860–1862]. Moscow: Rossiyskiy Arkhiv.
14. Krasnov, P.N. (1909) *Kartiny bylogo Tikhogo Dona* [Pictures of the former Quiet Don]. St. Petersburg: Granitsa.
15. Karasev, A.A. (1896) *Zapiska knyazya A.M. Dondukova-Korsakova o Zemle Voyska Donskogo* [Note by Prince A.M.. Dondukov-Korsakov about the Land of the Don Army]. *Russkiy arkhiv*. 12. pp. 569–591.
16. Volvenko, A.A. (2014) Donskoe kazachestvo v pravitel'stvennoy politike epokhi "Velikikh reform" (1860–1870 gg.) [The Don Cossacks in the government policy during the "Great Reforms" (1860–1870). *Izvestiya Samarskogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk – Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 16(3). pp. 12–20.
17. Grabbe, P.Kh. (1888) *Zapisnaya knizhka grafa P. Kh. Grabbe* [Notebook of Count P.Kh. Grabbe]. Moscow: M. G. Volchaninov.
18. Peretyatko, A.Y. (2016) The dark side of the Emancipation Reform of 1861 on the Don region: The history of the resettlement of one of the peasant community according the material of Ataman Secretariat. *Bylye Gody*. 39(1). pp. 137–145. (In Russian).
19. Polovtsov, A.A. (2005) *Dnevnik gosudarstvennogo sekretarya* [Diary of the Secretary of State]. Vol. 2. Moscow: Tsentrpoligraf.
20. Peretyatko, A.Yu. (2016) Voennoe obuchenie donskikh kazakov pered russko-turetskoy voynoy 1877–1878 gg.: sozdanie shkoly uryadnikov-artilleristov i preobrazovanie klassa donskikh uryadnikov [Military training of the Don Cossacks before the Russian-Turkish war of 1877–1878: Creation of a school of artillery sergeants and the transformation of the class of Don contractors]. In: Matishov, G.G. (ed.) *Yug Rossii i sopredel'nye strany v voynakh i voennyykh konfliktakh* [South of Russia and neighboring countries in wars and military conflicts]. Rostov-on-Don: RAS. pp. 109–116.
21. The Russian State Military Historical Archives (RGVIA).
22. Volvenko, A.A. (2016) Konseptsiya voyskovogo (nesluzhilogo) grazhdanina: zamysly i praktika (1860–1870-e gg.) [The concept of an army (non-serviceman) citizen: Ideas and practice (the 1860–1870s)]. *Primo Aspecu*. 4(28). pp. 68–71.
23. Peretyatko, A.Y. (2016) The reform of the military administration of the Don Cossacks in 1866–1874: realization of the project, which was never approved. *Bylye Gody*. 41(3). pp. 744–752.
24. Peretyatko, A.Yu. (2014) *Voennaya organizatsiya i voennoe upravlenie Oblasti voyska Donskogo vo vtoroy polovine XIX veka* [Military organization and military administration of the Don region in the second half of the 19th century]. Rostov-on-Don: Rostov State University.
25. Volvenko, A.A. (2015) Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I. *Russkaya Starina*. 13(1). pp. 19–37.

УДК 94(470)"16/18":342.518

DOI: 10.17223/19988613/48/21

В.Д. Дугаров, Н.Г. Казанцева

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТАМОЖЕННАЯ ПОЛИТИКА И ЕЕ МЕСТНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Представлен анализ особенностей таможенной политики на территории восточной окраины Российской империи с точки зрения реализации основных ее направлений в приграничном регионе. Как известно, на этой территории на протяжении довольно продолжительного времени существовала система беспошлинной торговли. Однако к началу XX в. данная система в полной мере исчерпала себя и возникла необходимость включения региона в единое таможенное пространство Российского государства.

Ключевые слова: государственная таможенная политика; Китай; приграничные регионы; таможня; товары; Забайкалье.

Сфера таможенного дела претерпевает в последние десятилетия кардинальные изменения, обусловленные качественно новым уровнем внешнеэкономических связей, формированием региональных таможенных союзов, укреплением роли и влияния международных организаций, активно воздействующих на внешнеторговую и таможенную политику каждого государства. Все это способствует тому, что таможенная служба должна рассматриваться не только как составная часть инфраструктуры государства, но и как глобальный элемент международной координации и межрегионального регулирования внешнеэкономической деятельности в системе государственных и международных экономических институтов. При этом таможенная политика должна приобрести особые черты, соответствующие новым реалиям. Общеизвестно, таможенная политика – это важная составляющая политики любого государства как на внутренней, так и на мировой арене, более того, это стратегическая линия государства в части формирования его экономических отношений. Качественная реализация таможенной политики предполагает наличие правил и процедур, организационных структур и иных необходимых ресурсов (инфраструктура). Реализация таможенной политики осуществляется на макроуровне (в масштабах целого государства) и микроуровне (на уровне отдельных регионов), причем реализация таможенной политики на микроуровне является важнейшим звеном в оценке всего макроуровня. Именно поэтому современное проектирование таможенной политики должно осуществляться на основе исторически сложившегося состояния путем создания объяснительной модели истории как системы доказательств, поддающих некое положение, а также формирования модели исторического движения, выражающую исторические потребности общества как на макроуровне, так и на микроуровне. В этой связи обобщение исторического опыта и оценка практики деятельности органов власти в историческом контексте могут применяться для разрешения некоторых проблем современности и, возможно, предотвращения повторения ошибок прошлого.

Явление «таможенная политика», или «государственная таможенная политика», стало предметом не-

однократного обсуждения учеными различных областей знаний (история, политология, экономика, право). Можно отметить, что особый вклад в изучение внесли дореволюционные авторы, такие как К.Н. Лодыженский [1], И.М. Кулишер [2–4], П.Б. Струве [5], М.Н. Соболев [6, 7], В. Витчевский [8], Д.И. Менделеев [9] и др.

В трудах авторов дореволюционной России проблематика таможенной (или торгово-таможенной) политики рассматривалась в динамике, от начальных этапов существования до периода пика своего развития. Важно подчеркнуть, что таможенная политика рассматривалась в неразрывной связи с политикой торговой, и оценка отдельных механизмов таможенного регулирования негласно проводилась с опорой на систему норм, регулирующих торговые отношения. В них присутствовал важнейший положительный момент – попытка обобщения различных сведений относительно проявления тенденций протекционизма и фритредерства в России, причем с применением сравнительного анализа аналогичных процессов в зарубежных странах. Работа К.Н. Лодыженского [1] «История русского таможенно-тарифной политики российского государства» раскрывает особенности таможенно-тарифной политики российского государства. Имевший значительный практический опыт работы в системе таможенных органов, автор смог детализировать систему таможенно-тарифных отношений с установлением системообразующих факторов тарифной стратегии государства.

В советский период обсуждение вопросов таможенной политики началось с первой половины 20-х гг. XX в. Прежде всего нужно назвать Н.Н. Шапошникова, который в своих работах «Таможенная политика России до и после революции» [10] и «Протекционизм и свобода торговли» [11] дает оценку таможенной политике. Значительным достижением является то, что Н.Н. Шапошников рассматривал направления таможенной политики в связке с отдельными видами товара и производства, что до него исследователями не осуществлялось. При этом Н.Н. Шапошников пытался провести некий сравнительный анализ таможенной политики дореволюционного и советского периода.

Еще один исследователь, А.И. Потяев, рассматривал таможенно-тарифную политику как составную часть монополии внешней торговли и отводил ей только вспомогательную функцию [12]. Подобная позиция вполне отражает общее отношение советской власти к таможенному делу в целом и таможенной политике в частности. При этом, опираясь на огромную источниковедческую базу, А.И. Потяев сделал попытку теоретического осмыслиения развития таможенного дела, определив пути формирования таможенной политики российского государства.

Из трудов современных авторов важнейшее значение имеет обобщающая работа Ю.Г. Кисловского [13]. Это, пожалуй, единственное исследование, где предпринята попытка обобщения таможенного развития российского государства за период 907–1995 гг. Но по большей части автор озвучивает лишь наиболее яркие события в истории таможенного дела в России и СССР, не акцентируя внимание на детальном анализе.

Не менее интересно исследование М.Н. Блинова «Таможенная политика России X–XX вв.» [14], где представлена общая оценка таможенного дела от начала его становления в России и показаны изменения направлений таможенной политики в историческом процессе.

Как можно заметить, в большинстве ранее опубликованных работ, отличающихся друг от друга по различным критериям (задачи, тематика, характер привлекаемых источников), затрагиваются лишь отдельные аспекты государственной таможенной политики России IX–XVII вв. в рамках ограниченных исторических периодов. Таким образом, на сегодняшний момент пришло время, когда количественное и качественное накопление новых знаний позволяет ввести в научный оборот многочисленные данные, отражающие региональную специфику, и по-новому систематизировать и интерпретировать накопленный материал.

Как было сказано ранее, государственная таможенная политика должна оцениваться исходя из особенностей ее существования на макро- и микроуровне. При этом, как нам видится, неэффективность государственной таможенной политики на местах нередко приводила к формированию общей негативной тенденции в оценке политики в целом. Именно это приводило к нестабильности государственной линии и отсутствию концепции, или доктрины, таможенной политики.

Исторически выбор правительенного курса в отношении таможенной политики определялся то в сторону протекционизма, то в сторону фритредерства. Противоборство представителей фритредерства и протекционизма очень ярко проявлялось на протяжении нескольких столетий. Дискуссии возникали в среде как государственных деятелей, так и рядового купечества и промышленников. К примеру, П.Б. Струве высказал следующее суждение в отношении выбора того или иного направления таможенной политики «...постановка вопроса <...> об успешности того или

иного вида государственного вмешательства зависит от других, более коренных моментов экономического развития; такими моментами являются: степень населения, степень развития ее производительных сил и производственных отношений, наконец – и это нужно иметь в виду – естественные и географические условия....» [5. С. 25].

Настоящее утверждение можно признать вполне справедливым. Исходя из суждений П.Б. Струве назовем совокупность критериев, или факторов, определяющих сущность и содержание государственной таможенной политики в регионах, к ним относятся: экономическая система (производственная структура, занятость); социальная система (демография, социальная структура); законодательная основа политики; политическая система; система международных отношений.

В структуре региональной таможенной политики необходимо различать правовую, экономическую, социальную, организационную и политическую составляющие. Именно они оказывают влияние на определение основных направлений региональной политики. Кроме того, региональная таможенная политика значительно подвержена воздействию таких обстоятельств, как geopolитическое положение региона, в том числе удаленность от центра, физические факторы размещения (наличие транспортных систем и т.п.) и даже климатические условия.

Особый интерес в этой связи представляют те регионы, где проявление названных обстоятельств было особенно ярко. Общая оценка развития таможенного дела и таможенной политики на рубеже XIX–XX вв. позволяет выделить Забайкалье как совершено уникальную территорию с точки зрения реализации таможенной политики.

Значительной частью восточносибирского региона является Забайкалье, при этом политика центральных властей по отношению к нему была крайне непостоянной. Длительное время эта территория рассматривалась как часть Восточной Сибири. Образованная в 1851 г. Забайкальская область вошла в состав Восточно-Сибирского генерал-губернаторства, но в 1884 г. ее отнесли к Приамурскому генерал-губернаторству. Однако 17 марта 1906 г. Забайкальская область была исключена из Приамурского и включена в состав Иркутского генерал-губернаторства. Совершенно очевидно, что подобные действия могут расцениваться как непоследовательные и непродуманные, что, безусловно, сказалось на развитии таможенного дела и реализации таможенной политики в регионе.

Как известно, в отношении окраинных (восточных) территорий государственная таможенная политика руководствовалась задачами, отличными от тех, которыми определялось ее отношение к европейским. Развитие торговли с Азией было важным в политическом отношении как одна из мер к сближению с азиатскими государствами. Меркантильные интересы России на восточных территориях были непосредственно связаны

с планами в части усиления политического влияния. Кроме того, таможенная политика России, проводимая в отношении восточносибирского региона страны, была подчинена интересам общероссийской политики по вовлечению «окраинных территорий» в общероссийскую экономику, распространению российской внешней торговли на новые рынки. П.Б. Струве писал: «От этого момента совершенно сознательно эта цель – развитие экспорта наших фабрикатов в Азию – бесповоротно становится одной из задач нашей торговой политики...» [5. С. 175].

Чтобы сразу не устрашить таможенными санкциями китайских торговцев, российское государство, по сути, декретировало свободную экономическую зону, которая простиралась от оз. Байкал до Тихого океана, что особенно ярко проявило себя на территории Забайкальской, Амурской и Приморской областей. Между тем беспошлинный ввоз иностранных товаров в регион не мог не вызвать недовольства в определенных слоях общества, так как расценивался как мера, нарушающая интересы национальной торговли. Русское общество для содействия торговли и промышленности выразило свое мнение, которое заключалось в том, чтобы восточные регионы империи были полностью подчинены действию общего таможенного тарифа.

На названные обстоятельства накладывается столь же непоследовательная практика отнесения региона к таможенным округам. Таможенные учреждения Забайкалья находились, как правило, вне округов, хотя нужно отметить периоды времени, когда привязка к округам все же присутствовала. Создание в 1909 г. Приамурского таможенного округа окончательно включало Забайкалье в общероссийскую систему управления таможенным делом. Созданию округа предшествовала другая реформа. В целях централизации и унификации управления таможенным делом в Приамурском генерал-губернаторстве в 1902 г. было введено деление на районы: Забайкальский, Амурский, Заамурский. Инспектору Заамурского района была подчинена Маньчурская таможня, а также Хилкотойская, Абагатуйская, Борзянская (Борзинская), Акшинская таможенные заставы. Кяхтинская и Сретенская таможни, а также таможенные заставы в Акше и с. Покровка вошли в состав Забайкальского района. В 1912 г. окружная система с делением на районы была ликвидирована. Система управления стала более упорядоченной, были созданы инспекторства, и вся территория Забайкальской области попала в подчинение читинского таможенного инспектора.

Из других особенностей, оказавших влияние на характер таможенной конструкции региона, можно назвать следующие. Забайкалье – особый и специфичный регион. Малонаселенность территории Забайкалья и отсутствие зачатков обрабатывающей промышленности делали совершенно бесцельной как в фискальном, так и в экономическом отношении таможенную охрану границы огромной протяженности. Сами же трудно-

проходимые пространства Забайкалья служили преградой от проникновения с востока в Сибирь и далее в Европейскую Россию заграничных товаров. Рассеянное внутри края малочисленное население ни в каких товарах иностранного привоза не нуждалось, а по сухопутной границе с Китаем предметом ввоза были исключительно китайские товары, главным образом шелк и чай. Протяженность неохраняемой границы Забайкалья составляла около 280 верст, такие расстояния даже в малой степени не покроются возможным доходом от деятельности таможен края. Оставив мысль о полной охране границы и удовлетворившись надзором за наиболее важными путями и наиболее населенными пунктами, надо предвидеть, что в обход этих путей и пунктов широкой волной двинется контрабанда, и для недопущения ее в пределы Сибири требуется усиление таможенного надзора на оз. Байкал с таможней в Иркутске. Но сохранение подобной «второй линии» таможенной границы поставит в тяжелое положение Забайкалье и затруднит отношения с Западной Сибирью, так как местные товары, прибывающие из-за оз. Байкал, будут досматриваться Иркутской таможней, которая для беспошлинного пропуска будет требовать доказательства их русского происхождения. Данные обстоятельства и проецировали таможенную политику в этом регионе.

В своих рассуждениях об организации на восточных территориях таможенной политики по итогам поездки на Дальний Восток С.Ю. Витте писал следующее: «...вопросы о постановке таможенной части на Дальнем Востоке и о дальнейшем направлении нашей торговой и таможенной политики представляются ныне настолько сложными и запутанными, затрагивают и договорные отношения с Китаем, и столь существенные интересы нашей внутренней торговли и промышленности...» [15. Л. 10–11].

До середины XIX в. ввоз товаров из Китая в Россию осуществлялся с уплатой пошлины на основе положений тарифов 1761, а затем 1800 г., что говорило о применении на территории Забайкалья установленной государством системы таможенно-тарифного регулирования. Однако тариф 1800 г. не имел стабильного характера и подвергался постоянным изменениям, что, безусловно, отражалось на таможенной политике в регионе. Нормы тарифа то приобретали более протекционистский характер, то становились более либеральными.

В 1862 г. были изданы особые правила, кардинально изменившие ранее действовавшую конструкцию таможенной политики на территории Забайкалья и, по существу, ставшие определяющими на полстолетия.

Правила сухопутной торговли с Китаем 1862 г. были подтверждены правилами 1869 г. и Петербургским договором 1881 г. («Правила сухопутной торговли»). Статья 1 «Правил для сухопутной торговли», утвержденных Санкт-Петербургским договором 1881 г., устанавливала: «По границе обоих государств, на расстоянии пятидесяти верст (сто китайских ли) в ту и

другую сторону, дозволяется свободная и беспошлинная торговля между русскими и китайскими подданными. В надзоре за этой торговлей каждое правительство будет следовать своим пограничным постановлениям» [16. С. 304–311]. Введение этой нормы было обусловлено исключительно интересами присоединенного к империи края и его развития с точки зрения внешней торговли. Однако установленные договорами в удовлетворение интересов политических элит правила далеко не всегда хороши, так как при наличии 50-верстной полосы беспошлинной торговли существование таможен можно было считать излишним.

В тот период таможенной границей, по существу, являлся Байкал, а Иркутская и Кяхтинская таможни служили воротами, через которые проходили товары из Китая в Россию.

Крайне негативное влияние существование полосы беспошлинной торговли оказало на уровень экономической безопасности, так как создавало исключительные условия для развития контрабанды.

Однако для решения социально-экономических задач региона такие правила были весьма удачны. Существование 50-верстной полосы беспошлинной торговли позволяло свободно обеспечивать приграничное население товарами первой необходимости и, более того, способствовало развитию приграничной торговли. Для Забайкалья, где значительная часть населения проживала в пределах 50-верстной полосы, это было весьма актуально.

С режимом беспошлинной торговли, введенной в отношении торговли с Китаем, некоторые авторы связывают порто-франко (итал. porto franco – свободная гавань), по существу не разграничивая эти понятия [17. С. 111]. Считаем, что при наличии схожих черт эти понятия различны.

Порто-франко на территории России впервые был введен в Одессе, в 1826 г. под действие порто-франко попала Камчатка [18]. 1 ноября 1856 г. и 4 ноября 1857 г. была разрешена беспошлинная иностранная торговля в портах Приамурского края, на устьях Амура и вверх по реке [19. С. 29]. 22 декабря 1860 г. режим свободной торговли иностранными товарами был распространен и на все порты Приморской области Восточной Сибири.

Режим порто-франко неоднозначно трактуется исследователями. В нем просматриваются как положительные, так и отрицательные стороны, влияющие на развитие государства в целом и территорий в частности. Сторонники режима утверждали: «Край еще не окреп. Между тем вскоре ему придется выдержать конкуренцию с густонаселенной Маньчжурией, открытой для иностранных товаров и со свободными условиями для развития промышленности. Пустынная, малокультурная и почти отрезанная от магистрали русская окраина не может быть удержана одной военной силой. Для сохранения и развития края необходима усиленная колонизация его здоровым, энергичным, трудовым русским населением; нужно свободное от всякого протек-

ционизма развитие местной промышленности и торговли. Таможенное обложение вызовет повышение потребительских цен, удорожит жизнь в крае, а это явится обстоятельством, препятствующим приливу переселенцев. В то же время это вызовет вздорожание рабочих рук, что отразится неблагоприятно на развитии в крае промышленности. Развитию последней будет мешать также и конкуренция русской промышленности. Введение таможни даст ничтожный доход казне, так как ввоз иностранных пошлинных товаров должен сократиться. Вместе с тем при громадной протяженности границ потребуется значительный расход на охрану их. Но никакая охрана не в состоянии будет предупредить контрабанды. А это поставит в невозможные условия лиц, торгующих товарами, оплаченными пошлинами. Бывший опыт убедил, что на удаленной окраине таможенные обрядности и волокита, с которыми сопряжено взимание пошлин, вызывает массу излишних расходов и громадные стеснения для легальной торговли...» [20. С. 123].

Однако нельзя сказать, что порто-франко было в целом негативной тенденцией, по существу, данный режим оказал влияние на другие значимые в таможенном отношении события: речь идет об учреждении таможенного надзора на постоянной основе.

Отмена порто-франко произошла в 1900 г., но в условиях Русско-японской войны система была восстановлена. Окончательная отмена была произведена только в 1909 г. В «Собрании узаконений и распоряжений Правительства» от 23 января 1909 г. за № 11, ст. 50, был опубликован одобренный Государственным советом и Государственной думой «Закон о закрытии порто-франко по привозу иностранных товаров в Приамурское генерал-губернаторство и Забайкальскую область Иркутского генерал-губернаторства», также была отменена ст. 939 Таможенного Устава [21] и изменены в тарифные ставки, установленные законом 10 июня 1900 г. [22. Л. 4–5]. Новый закон был более полным и развернутым по сравнению с законом от 10 июня 1900 г. Таможенные пошлины в регионе теперь взимались в размере, установленном Общим таможенным тарифом по Европейской торговле. Закон также отменял ст. 937, 940 и примечание к ст. 942 Таможенного Устава [21].

С момента введения в действие этого закона на территории Забайкальской области должны были применяться общероссийские критерии таможенной политики. Безусловно, принятие этого документа внесло серьезные корректировки в деятельность таможенных учреждений Забайкалья. Он гласил: «Обложить таможенными пошлинами привозимые в Приамурское генерал-губернаторство, как через порты, лежащие в устье Амура и к югу от него, так и по сухопутной границе, а равно в Забайкальскую область Иркутского генерал-губернаторства, иностранные товары, поименованные в следующих статьях действующего Общего Таможенного тарифа по европейской торговле: 3, 4, 7, 9, 10, 11

(кроме китайских земляных орехов, пропускаемых беспошлинно), 12, 13, п. 2 ст. 14, 15 (кроме указанных в п. 3 пряностей, пропускаемых беспошлинно), 16–19, 21–23, 24 (кроме молока сгущенного, пропускаемого беспошлинно), 25–29, 31, 32, 35, 37, 38, 42, 43, 45–50, 51, 52 (кроме парафина, пропускаемого беспошлинно), 53–56, 57 (кроме приводных ремней, сшитых и несшитых, пропускаемых беспошлинно), 58, 59, 60, 63, 64, 67–69, п. 6 и 7 ст. 71, 75 и 76, п. 1–5, 7 ст. 77, 78, 80, 81 (кроме карболовой кислоты пропускаемой беспошлинно), 84–88, п. 2 ст. 103, 106, п. 3–8 ст. 108, 110, 113, 115, 116, пунктах 1–3 ст. 117 (кроме бобового и кунжутного масел, пропускаемых беспошлинно), 118–123, 126–130, 133–138, 145, 148, 149, п. 2 ст. 155, п. 2 ст. 156 (кроме металлических сит из медной проволоки, пропускаемых беспошлинно), 158 (кроме ножниц для стрижки овец), 159, п. 1, 2 ст. 162, 163–166, 169–174 (кроме вагонеток всех типов для узкоколейных ж/д), 177, 179–194 (кроме пеньковых рукавов для пожарных труб и бумажных и пеньковых приводных ремней), 195–209, примечаниях общих к ст. 183–209, 210–216» [23. Л. 2–3].

Привозимые в Приамурское генерал-губернаторство и Забайкальскую область чаи (кроме кирпичных, пропускаемых беспошлинно) также облагались таможенными пошлинами. Такие товары, как шкуры невыделанные, некрашеные беличьи и сурковые или табарганы и др., допускались к беспошлинному ввозу по сухопутной границе с Китаем.

Однако с введением в действие единых норм Общего таможенного тарифа возник вопрос о применении правил договора с Китаем 1862 г. в части беспошлинного торга в границе 50 верст. В условиях доминирующей сухопутной торговли определяющим условием для Забайкалья был введенный в 1862 г. беспошлинный режим торговли, а порто-франко выступал лишь в качестве второстепенного критерия.

Однако окончательно отменив режим порто-франко, российские власти были не в состоянии обеспечить эффективную систему таможенного регулирования и контроля по причине значительной площади Приамурского края и Забайкальской области, отдаленности от центра, малонаселенности и т.д.

Возможно, по этим причинам региональная таможенная политика отличалась своей непоследовательностью и сочетанием протекционистских тенденций с фритредерскими. Подтверждением этому является то, что после принятия закона об отмене порто-франко министр финансов утверждает свод льготных постановлений для таможенных учреждений Приамурского края и Забайкальской области. Уступки коснулись порядка осуществления таможенных обрядностей, что например, упрощало, порядок таможенных действий по таможенному оформлению грузов.

Специфика работы таможенных служащих в регионе состояла и в том, что Правилами таможенного тарифа 1901 г. предписывалось для Приамурского края

товары «китайского происхождения», кроме чая, серебра и запрещенных к ввозу товаров, пропускать по внешней границе, «не подвергаясь никаким таможенным формальностям», если нет подозрений [23. Л. 10–11].

Особенностью таможенной политики также можно назвать отмену обязательного для других регионов России таможенного клеймения товаров. В отношении клеймения был принят акт, который, по существу, закреплял правила, в соответствии с которыми на иностранные товары, подлежащие клеймению, но такового не имеющие, могли выдаваться особые свидетельства о легальном их происхождении.

Приведенные примеры – яркие свидетельства того, что Приамурское генерал-губернаторство и Забайкальская область, будучи официально включенными в общероссийскую систему таможенных органов, оставались территориями с особым статусом, где продолжали действовать, как и прежде, многочисленные временные циркуляры, правила, распоряжения.

Таким образом, стоит отметить, что и после отмены порто-франко таможенное регулирование и таможенная политика имели свои региональные особенности. Здесь можно согласиться с утверждением С.Ю. Витте, который в своих рассуждениях об организации на восточных территориях таможенной политики писал: «...вопросы о постановке таможенной части на Дальнем Востоке и о дальнейшем направлении нашей торговой и таможенной политики представляются ныне настолько сложными и запутанными, затрагивают и договорные отношения с Китаем, и столь существенные интересы нашей внутренней торговли и промышленности...» [15. Л. 10–11].

Распространение на территорию Забайкалья общих принципов государственной таможенной политики должно было иметь непременным условием устранение всех столетиями применяемых особенностей в региональной таможенной практике. Прежде всего, необходимо было принять решение об отмене беспошлинного ввоза китайских товаров, однако сделано это было (причем в одностороннем порядке) только 24 августа 1912 г., когда Россия объявила, что Санкт-Петербургский договор остается в действии еще на десятилетний срок, при этом льготная 50-верстная полоса на русской стороне сухопутной границы Российской империи с Китаем с 1 января 1913 г. будет упразднена. С введением этой меры все китайские товары при ввозе через сухопутную государственную границу в Иркутскую губернию, Забайкальскую, Амурскую и Приморскую области должны были облагаться пошлинами на общих основаниях и подлежали обязательному клеймению. Однако сломать ставший традиционным уклад в регионе было крайне сложно, именно это обстоятельство сделало борьбу с контрабандой одним из основных направлений деятельности таможенных органов.

Назовем еще одно обстоятельство, оказавшее влияние на развитие таможенного дела рассматриваемого региона и реализацию на его территории таможенной

политики. Это открытие Сибирского железнодорожного пути, а по существу – формирование транспортной системы. В 1896 г. был оформлен контракт о строительстве Китайско-Восточной железной дороги. Каждый метр железнодорожного пути сближал Дальний Восток с Сибирью и Европейской Россией, открывая путь иностранным товарам через восточную границу на внутренний российский рынок. Когда железнодорожная линия дошла до Иркутска, перешла за оз. Байкал и дошла до г. Сретенска, установившийся по ней и р. Амур сплошной паровой путь до побережья Тихого океана совершенно открыл российскую восточную границу для всех иностранных товаров и грозил подорвать всю российскую охранительную таможенную систему. То есть в регионе возникла необходимость решения вопроса об усилении штатов таможенной части.

Бессспорно, строительство железнодорожного пути оказало влияние и на развитие таможенного дела Забайкалья и реализацию таможенной политики. От государства требовалась новые нормативные рычаги таможенного регулирования. В отчете о путешествии на Дальний Восток С.Ю. Витте писал: «Кроме своего мирового значения сибирская железная дорога как местный путь принесет многоразличные выгоды России: для русской промышленности создается новый обширный внутренний рынок; избытки населения Европейской России найдут себе выход на новые обширные пространства Сибири, удобные для колонизации; разработка естественных богатств Сибири, возрастание ее населения и развитие промышленности увеличат производительные силы нашей Родины, а сама Сибирь станет активной участницей культурной жизни. Но постройка железной дороги не выполняет еще той обширной задачи. Железная дорога является только частью этого дела и одним из средств к его достижению. Потребуется еще много трудов и усилий, придется преодолеть немало всякого рода препятствий, сменится не одно поколение, прежде чем дело во всей его сово-

купности будет доведено до конца и принесет те обильные плоды, которые от него можно ждать. Предстоящие задачи настолько сложны и многочисленны, что в настоящее время очертить и наметить их было бы затруднительно и едва ли даже возможно. Но и теперь уже наиболее близкие и насущные из них выясняются с достаточной определенностью...» [15. Л. 10–11].

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. продолжалась эволюция в формировании и развитии таможенных институтов на территории восточных регионов России. Решению этой задачи придавалось огромное значение органами государственной власти Российской Империи. Свидетельством этому стало появление многочисленных законодательных и ведомственных актов, имеющих конкретную цель – улучшить таможенную систему региона. Однако стремление российского правительства сделать из таможенной политики региона действенное при всех обстоятельствах средство для развития национального производства должно было потерпеть фиаско после тех огромных жертв, которые были принесены в интересах расширения русского влияния на востоке России. Последнее было обусловлено тем обстоятельством, что целостность развития и реализации таможенной политики обеспечивается урегулированностью ее внутренних компонентов, кроме того, взаимодействием и сбалансированностью ее отношений с внешней средой, чего центральная власть обеспечить не смогла. В итоге таможенная политика в отношении Забайкальской области (и отчасти Приамурского края) представляла собой совершенно уникальное сочетание протекционистских и фритредерских направлений. В целом таможенная политика рассматриваемого региона прошла сложный процесс трансформации от совершенно непоследовательной, выстроенной на исключительных привилегиях и обусловленной внешнеполитическими и экономическими интересами правящих властей до вполне полноценной, учитывавшей интересы государства в целом. Но произошло это лишь во втором десятилетии XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лодыженский К.Н. История русского таможенного тарифа. СПб., 1886.
2. Кулишер И.М. Основные вопросы международной торговой политики. СПб. : Атеней, 1924.
3. Кулишер И.М. Очерк истории русской торговли. СПб. : Атеней, 1924.
4. Кулишер И.М. Очерки по истории таможенной политики. СПб. : Типография В.Ф. Киршбаума, 1903.
5. Струве П.Б. Торговая политика России. Челябинск : Социум, 2007.
6. Соболев М.Н. Перестройка принципов торговой политики России в связи с вопросом о протекционизме. Харьков : Типография М.Х. Сергеева, 1915.
7. Соболев М.Н. Таможенная политика России во второй половине XIX века. Томск : Печатное дело, 1911.
8. Витчевский В. Торговая, таможенная и промышленная политика России от Петра Великого до наших дней. СПб. : Изд. Д.А. Казицына и Ю.Д. Филиппова, 1909.
9. Менделеев Д.И. Толковый тариф или исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года. СПб., 1892.
10. Шапошников Н.Н. Таможенная политика России до и после революции. М. ; Пг. : Тип им. Володарского, 1924.
11. Шапошников Н.Н. Протекционизм и свобода торговли. Пг. : Тип. Министерства финансов, 1915.
12. Потяев А.И. Теория таможенного дела. М., 1927.
13. Кисловский Ю.Г. История таможни государства Российского 907–1995. М., 1995.
14. Блинов Н.Н. Таможенная политика России X–XX вв. : краткий научно-популярный очерк. М., 1997.

15. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1622. Оп. 1. Д. 711.
16. Сборник узаконений и распоряжений по таможенной части в Приамурском крае и Восточной Сибири. М. : Рос. унив. изд-во, 2002.
17. Романова Г.Н. Порто-франко и протекционизм. Торговые связи Дальнего Востока России и северо-восточного Китая (вторая половина XIX – начало XX в.) // Россия и АТР. 2006. № 3. С. 110–122.
18. О разрешении в Камчатке заграничной торговли [№ 2253] // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 3. С. 795–796.
19. Тихоокеанская Россия: опыт прошлого – взгляд в будущее // Сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию порто-франко на Дальнем Востоке. Владивосток : Мор. гос. ун-т, 2009.
20. Порто-франко на Дальнем Востоке : док. и матер. Владивосток : РИО Владивосток. фил. РТА, 1998.
21. Таможенный Устав 1904 г. Собр. узак., 1907.
22. Государственный Архив Забайкальского края. Ф. 42. Оп. 1. Д. 52.
23. РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 945.

Dugarov Vladimir D. Zabajkalskij State University (Chita, Russia). E-mail: ngsav@mail.ru ; Kazantzeva Natal'ya G. Zabajkalskij State University (Chita, Russia). E-mail: ngsav@mail.ru

THE STATE CUSTOMS POLICY AND ITS LOCAL IMPLEMENTATION IN BORDER REGIONS AT THE END OF XIX-THE BEGINNING OF THE XX CENTURIES.

Key words: state customs policy; China; border regions; customs; goods; Transbaikal Region.

The article gives the analysis of the state customs policy on the eastern outskirts with regard to its main directions implementation in the border region. The authors note that the qualitative customs policy implementation at the national level is possible when taking into account different region conditions and development. According to the authors, the historical experience generalization and the authority activity assessment in the historical context can be applied to confront the challenges of our times and may help to avoid the pitfalls of the past. The article focuses attention on the Transbaikal region analysis. It is noted that Transbaikal region can be considered as the unique territory in terms of the customs policy implementation. The latter was mainly due to the all-Russian policy interests to involve “the peripheral territories” into the all-Russian economy and to develop new markets for the Russian foreign trade. On the territory, taken as an example by the authors, there had been a system of duty-free trade for quite a long period of time, however, as the authors argue, by the beginning of the XX century this system had run its course and there was a need to admit the region into the single customs space of the Russian state. The “Porto-Franco” regime, having been introduced on the territory of the Transbaikal region, also had the impact on the regional image of customs policy. The authors consider that the body of the rules introduced on the region territory had led to the “free trade zone” formation that had a certain public resonance. Having taken different examples, the authors prove the region customs policy existence with protectionist and free trade tendencies. The latter ones had been manifested in carrying out customs formalities, duty payment specificities, and the general system of legal regulation for region customs activities. Certain conclusions are drawn on the basis of the materials introduced into the scientific circulation for the first time. The article gives the assessment of main and minor circumstances which had an impact both on the general situation of customs service in the researched region, and the regional customs policy implementation. It also considers the impact of Chinese-Eastern Railway construction. It is noted that the eastern border opening for foreign goods had raised concerns over strengthening human resources within the customs. In addition, the authors pay attention to the impact of inconsistent customs policy on the customs body administration system in the region. In conclusion the authors state that the considered region customs policy had undergone the transformation process from absolutely inconsistent, built on exclusive privileges and determined by the foreign policy and economic interests of the ruling authorities and had been adopted into unified all-Russian system only in the second decade of the XX century.

REFERENCES

1. Lodyzhenskiy, K.N. (1886) *Istoriya russkogo tamozhennogo tarifa* [History of the Russian Customs Tariff]. St. Petersburg: Sotsium.
2. Kulisher, I.M. (1924a) *Osnovnye voprosy mezhdunarodnoy torgovoy politiki* [The main issues of international trade policy]. St. Petersburg: Ateney.
3. Kulisher, I.M. (1924b) *Ocherk istorii russkoy torgovli* [Essay on the history of Russian trade]. St. Petersburg: Ateney.
4. Kulisher, I.M. (1903) *Ocherki po istorii tamozhennoy politiki* [Essays on the history of customs policy]. St. Petersburg: V.F. Kirshbaum.
5. Struve, P.B. (2007) *Torgovaya politika Rossii* [Trade Policy of Russia]. Chelyabinsk: Sotsium.
6. Sobolev, M.N. (1915) *Perestroyka printsipov torgovoy politiki Rossii v svyazi s voprosom o protektsionizme* [Restructuring of the principles of Russian trade policy in connection with the issue of protectionism]. Kharkov: M.Kh. Sergeev.
7. Sobolev, M.N. (1911) *Tamozhennaya politika Rossii vo vtoroy polovine XIX veka* [Russian customs policy in the second half of the 19th century]. Tomsk: Pechatnoe delo.
8. Vitchevskiy, V. (1909) *Torgovaya, tamozhennaya i promyshlennaya politika Rossii ot Petra Velikogo do nashikh dney* [Trade, customs and industrial policy of Russia from Peter the Great to the present day]. St. Petersburg: D.A. Kazitsyn i Yu.D. Filippov.
9. Mendeleev, D.I. (1892) *Tolkovyj tarif ili issledovanie o razvitiu promyshlennosti Rossii v svyazi s ee obshchim tamozhennym tarifom 1891 goda* [Explanatory tariff or research on the development of industry in Russia in connection with its general customs tariff in 1891]. St. Petersburg: [s.n.].
10. Shaposhnikov, N.N. (1924) *Tamozhennaya politika Rossii do i posle revolyutsii* [Russian customs policy before and after the revolution]. Moscow; Petrograd: Tip im. Volodarskogo.
11. Shaposhnikov, N.N. (1915) *Proteksionizm i svoboda torgovli* [Protectionism and freedom of trade]. Petrograd: Tip. Ministerstva finansov.
12. Potyaev, A.I. (1927) *Teoriya tamozhennogo dela* [Theory of Customs]. Moscow: Narkomtorg SSSR.
13. Kislovskiy, Yu.G. (1995) *Istoriya tamozhni gosudarstva Rossiyskogo 907–1995* [History of customs of the Russian state 907–1995]. Moscow: Avtor.
14. Blinov, H.H. (1997) *Tamozhennaya politika Rossii X–XX vv.: Kratkiy nauchno-populyarnyy ocherk* [Customs policy of Russia in the 10th – 20th centuries: A popular essay]. Moscow.
15. The Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 1622. List 1. File 711.
16. Russia. (2002) *Sbornik uzakoneniy i rasporyazheniy po tamozhennoy chasti v Priamurskom krae i Vostochnoy Sibiri* [Collection of Legalizations and Orders for the Customs in Amur Region and Eastern Siberia]. Moscow: Ros. univ. izd-vo.

17. Romanova, G.N. (2006) Porto-franko i protektsionizm. Torgovye syvazi Dal'nego Vostoka Rossii i severo-vostochnogo Kitaya (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Porto-Franco and protectionism. Trade relations of the Far East of Russia and north-eastern China (second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Rossiya i ATR – Russia and The Pacific*. 3. pp. 110–122.
18. Russia. (n.d.) O razreshenii v Kamchatke zagranichnoy torgovli [№ 2253] [On the approval of foreign trade in Kamchatka [No. 2253]]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of The Russian Empire]. Coll. 2. Vol. 3. pp.795-796.
19. Belyaev, N.A. & Litoshenko, D.A. (eds) (2009) *Tikhookeanskaya Rossiya: opyt proshlogo – vzglyad v budushchее* [Pacific Russia: The experience of the past – a glimpse into the future]. Vladivostok: Maritime State University.
20. Timopheev, P. (ed.) (1998) *Porto-franko na Dal'nem Vostoke* [Porto-Franco in the Far East]. Vladivostok: Vladivostok. fil. RTA.
21. Russia. (1907) *Tamozhenny Ustav 1904 g.* [The Customs Charter of 1904]. [s.l., s.n.]
22. *The State Archives of Transbaikalian Territory*. Fund 42. List 1. File 52.
23. The Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 1278. List 2. File 945.

УДК 94(47)+94(510):76

DOI: 10.17223/19988613/48/22

Е.А. Федосов

«ВПЕРЕД К ВЕЛИКОЙ ЦЕЛИ!»: ОБРАЗ СССР И КИТАЯ В АГИТАЦИОННЫХ ПЛАКАТАХ 1940–1960-х гг.

Результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1687.2017/4.6.

В ХХ в. отношения нашей страны с Китаем претерпели несколько фаз трансформации, в результате чего формировался определенный образ обоих народов. В статье этот процесс рассматривается с точки зрения взаимного восприятия СССР и КНР в 1940–1960-е гг., которое нашло яркое отражение как в официальных пропагандистских материалах той эпохи, так и в неформальных оценках современников. Основные его особенности выявляются путем анализа советских и китайских агитационных плакатов, а также источников личного происхождения.

Ключевые слова: СССР; КНР; международные отношения; пропаганда; агитационный плакат; образ другого.

За прошедшее столетие Китай стал играть важную роль в российской внешней, а в последнее время и внутренней политике. В целом отношения нашей страны с восточным соседом претерпели несколько фаз трансформации, и в настоящий момент идея дружбы и сотрудничества вновь сопутствует политической риторике. Такая обстановка благоприятствует усилению интереса к Поднебесной, в том числе в историческом разрезе. Можно всецело согласиться с мнением современного китайского писателя, лауреата Нобелевской премии Мо Яня, высказанным на съезде Институтов Конфуция: «При изучении любых китайских проблем, неважно, касаются ли они наущной жизни или идеологии и культуры, необходимо проводить как вертикальное, так и горизонтальное сравнение. Исторический и реалистический взгляды, вертикальное и горизонтальное сравнения формируют тот фокус, только благодаря которому мы и можем получить беспристрастную, объективную оценку» [1. С. 35]. Подобный подход вполне применим и к российской истории, накопившей определенный опыт формирования образа Китая.

Цель данной статьи – раскрытие особенностей взаимного восприятия СССР и КНР в 1940–1960-е гг. Этот период примечателен по нескольким причинам. Во-первых, хронологически он совпадает со временем становления современного китайского государства, КНР, в котором немалую роль сыграло советское участие. Во-вторых, развитие отношений в эти годы отличалось высоким динамизмом, включая как очевидный моральный подъем, так и весьма драматичный спад и кризис, что позволяет считать события тех лет неким историческим уроком. Анализировать образы СССР и Китая целесообразно в нескольких измерениях. С одной стороны, в рамках официальной точки зрения, которая ниже будет рассмотрена на основе советской и китайской визуальной пропаганды и отчасти прессы. Для обоих народов ее влияние было частью общего процесса формирования так называемой «геополитической идентичности» [2. С. 5], когда определяются роль своей нации в мире, круг ее союзников и соперников. А с другой – через

мнения современников, нашедшие отражение в источниках личного происхождения: письмах и воспоминаниях.

Восприятию взаимоотношений СССР и КНР середины ХХ в. предшествовали определенные политические и идеологические предпосылки. Первые контакты между советским правительством и левыми силами Китая начались практически сразу после победы социалистической революции в России. «Мы несем освобождение народам от ига иностранного штыка, от ига иностранного золота, которые душат порабощенные народы Востока...» [3. С. 6], – гласило обращение Совета Народных Комиссаров РСФСР 25 июля 1919 г. Базируясь на лозунгах борьбы с силами мирового империализма, образ сражающегося Китая стал весьма заметной частью визуальной пропаганды на внешнеполитические темы в 1930-е гг. Один из наиболее ранних плакатов был нацелен на пробуждение интернационалистических чувств у молодежи: «Реют на Востоке знамена классовых боев. В XVI МЮД¹ комсомольский привет революционной молодежи Китая и Индии, борющейся с собственной буржуазией и империализмом» (1930). Не осталось без внимания художников-пропагандистов и возникновение на юге Китая в 1931 г. Китайской Советской Республики, вооруженным силам которой посвящалась работа И. Эбериля «Да здравствует Красная Армия советского Китая» (1931). В агитках подобной тематики применялось дублирование лозунгов иероглифами. Такая практика, не имевшая большого практического смысла, может, однако, рассматриваться, как значимый символический жест признания китайского языка языком международного коммунистического движения². При этом активная политическая и военная деятельность китайских коммунистов сопровождалась вполне привычной для населения нашей страны революционной риторикой.

К концу 1930-х гг. во многом в связи с событиями в Испании и Китае антифашистская пропаганда получает мощный импульс [4. С. 126]. С одной стороны, это приводит к созданию более обобщенных сюжетов, в

которых, тем не менее, образу китайца отводится одна из центральных ролей. Ярким примером здесь может служить плакат Г. Рычкова и Н. Клементьева «Да здравствует молодёжная солидарность трудящихся в борьбе против фашизма!» (1938). С другой – продолжается создание наглядной агитации, посвященной и непосредственно Китаю. Так, в 1939 г. появилась работа В. Иванова «Из уст в уста передается лозунг национальной войны: “Падет в бою отец, сын встанет на его место, брат сменит погибшего брата, жена сменит убитого мужа”». Эти слова о борьбе китайского народа были высказаны Д. Мануильским на XVIII Съезде ВКП(б). Но плакат Иванова интересен и некоторыми другими деталями. Драматичная сцена, в которой молодой китаец подхватывает винтовку из рук раненного отца, во-первых, дополнялась призывом из четырех каллиграфических иероглифов «**一致抗敌**» («Вместе воевать с агрессором!»), а во-вторых, на дальнем плане видна атака солдат под флагом Китайской Республики, ранее считавшейся недружественной.

Таким был образ китайца в советской визуальной пропаганде накануне Второй Мировой войны. В течение 1930-х гг. акценты, на которых он базировался, несколько сместились от внутренней классовой борьбы к более универсальной идее отпора внешней интервенции. Вернее сказать, классовый конфликт в конкретный исторический момент совпал с сопротивлением японским импералистам.

Пропаганда СССР времен Великой Отечественной войны была направлена на патриотический подъем советских людей против западного агрессора и его сателлитов, и объективно азиатская тема несколько лет отсутствовала в наглядной агитации. Вернулась она в 1945 г. в свете победоносного завершения освободительной Маньчжурской операции, чьему был посвящен плакат Л. Голованова «Слава Красной Армии – освободительнице» (1945), изобразивший китайского мальчика на руках у советского солдата (рис. 1). Лозунг здесь вновь был продублирован иероглифами. Флаг Китая виден и среди знамен союзников в работе В. Иванова «Мы победили!» (1945). В том же году вышел и первый из известных автору китайский плакат на советскую тему: «Слава маршалу Сталину, освободившему нас от рабства японских милитаристов!» (на кит. яз., 1945). Образ нашей страны создается здесь за счет нескольких взаимосвязанных сюжетных элементов: рукопожатие красноармейца и китайца, символика обеих стран и крупное портретное изображение И.В. Сталина, венчающее всю композицию.

Пропаганда единства революционных идеалов и сопротивления внешним агрессиям, символизм боевого братства и харизматического лидерства вождей, присутствие государственных флагов и перевод лозунгов – все рассмотренные выше контексты и приемы наложили определенный отпечаток на формирование послевоенных образов СССР и Китая, получив с 1949 г. широкое развитие уже в формате содружества с КНР.

Прежде чем непосредственно переходить к рассмотрению принципов визуализации темы советско-китайской дружбы, целесообразно обозначить масштабность ее распространения. Так, если обратиться к подборке советских плакатов за поздний сталинский и хрущевский периоды, то азиатское «присутствие» обнаруживается примерно в 38% агиток, формировавших положительный образ иностранца. Учитывая разветленность интересов СССР во внешнем мире в те годы, данный показатель можно считать весьма значительным. Отчасти на него повлияло то, что в разное время внимание к Азии обусловливались событиями в Корее, Индии или Вьетнаме. Можно также возразить, что существенная доля образов по существу носила обобщенный характер, без указания на какой-либо конкретный народ. Однако близость стиля изображений с тем, который присущ плакатам, посвященным непосредственно Китаю, служит косвенным доказательством, что азиатские мотивы вдохновлялись именно восприятием китайских друзей. Примечательно, что на рубеже 1950–1960-х гг. одним из главных методов символической передачи идеи общемировой солидарности стал образ единства представителей Европы, Африки и Азии, в которых также легко угадываются черты китайских граждан эпохи Мао Цзэдуна.

Взгляды на внешний мир в наглядной агитации КНР развивались в несколько иной логике. В 1950-е гг. противостояние с США за освобождение Кореи и Тайваня сделало американскую верхушку, как это было и в СССР, главным антагонистом пропаганды. Сам же Советский Союз и связанные с ним европейские страны народной демократии, по сути, оставались единственным постоянным контекстом для формирования положительного образа зарубежья. И только к началу 1960-х гг., когда компартия Китая постепенно начала претендовать на глобальное идеологическое влияние, в китайских плакатах расширяется система внешнеполитических образов.

Рис. 1. Худ. Л. Голованов (1945)

Рис. 2. Худ. В. Иванов (1949)

Рис. 3. Худ. В. Иванов (1951)

Отклик на образование 1 октября 1949 г. КНР последовал в советской наглядной агитации практически сразу. «Большую идею равенства и содружества великих народов» [4. С. 191] визуализировал обращавшийся к китайской теме еще в 1930-е гг. художник В. Иванов в своем новом плакате «Да здравствует дружба народов СССР и Китая!» (1949) (рис. 2). В этой работе впервые после войны в рамках сугубо гражданского сюжета союз олицетворяли отображеные почти портретно представители двух стран, несущие каждый свой флаг. Следует отметить, что на тот момент социалистический лагерь только завершал свое формирование, и в советских агитационных материалах практически отсутствовал опыт создания образа конкретных государств, входящих в него. В этом смысле Поднебесная оказалась первой. В духе времени было использование образа И.В. Сталина в трактовке идеи дружбы с Китаем. Он мог быть запечатлен в момент рукопожатия с

Мао Цзэдуном (рис. 3) или присутствовать незримо в достаточно специфических формах. Так, упоминая «Песню о Сталине», лозунг одной из агиток 1952 г. отмечал «...Поет эту песню китайский солдат!», который и был изображен на плакате (рис. 4). После смерти вождя художники-пропагандисты вносят символический подтекст исключительно в сцены жизни простых людей. Классическими становятся сюжеты, в центре которых два мужских или женских образа представителей обеих стран, временами помещенных в производственную среду, что подчеркивало практические плоды сотрудничества (рис. 5)³. В плакате «Всегда вместе!» (1958) помимо взрослых присутствуют еще и дети, выражая надежду на дружбу, которая останется в поколениях. В целом словосочетание «дружба навеки» обретает в плакатах подобной тематики характер устойчивой идеологемы, а иногда, в знак большого уважения к союзнику, переводится и на его родной язык («永恒友谊»).

Рис. 4. Худ. П. Голубь (1952)

Рис. 5. Худ. М. Соловьев (1958)

Наиболее поздние советские плакаты на тему дружбы с Китаем вышли в 1959 г. Уже состоялся XX съезд КПСС, радикально противопоставив официальные трактовки сталинского периода в СССР и КНР. Уже прошли достаточно напряженные переговоры Хрущева и Мао, обозначившие серьезные разногласия по поводу судьбы ядерного потенциала Поднебесной [5]. Но все

это пока не касалось и не должно было касаться восприятия советских граждан. Напротив, «казалось, дружба, освященная единством идеологического выбора, нерушима... Помощь Китаю была каким-то всеобщим порывом в нашей стране. Выражением искреннего доверия к другому народу, когда, казалось, делается большое, благородное дело» [5. С. 108]. Лозунги агиток гласили «Вперед к великой цели!» (1959) и «Наша цель – коммунизм!» (на рус. и кит. яз., 1959) (рис. 6). А ведь именно вокруг понимания путей прихода к коммунизму вскоре разразится идеологический раскол. Надо сказать, что в советской прессе привычная дружественная риторика держалась несколько дольше, чем на плакатах. Так, например, в номере «Правды» от 2 октября 1962 г. был напечатан материал «Советско-китайской дружбе жить в веках» [6. 2 окт.]. Однако новых визуальных образов в этот период уже не наблюдается, а с 1963 г. и публикации центральной советской печати по мере углубления идеологического раскола постепенно обретают сначала полемический, а затем и откровенно критический тон по отношению к Китаю. Но даже этот неблагоприятный фон не помешал отметить очередную годовщину образования КНР заголовком: «За братскую дружбу и всесторонне сотрудничество советского и китайского народов» [7. 1 окт.]. Впрочем, этот пример стал одним из последних.

Хронологические и сюжетные рамки советской темы в китайских плакатах имели свою специфику. Здесь первыми выразителями идеи дружбы были образы вождей, Сталина и Мао, представившие в работе художника Ли Бинхуна «Советско-китайский договор о дружбе, союзе и взаимной помощи⁴ способствует поддержанию мира во всем мире» (на кит. яз., 1950). Они изображены на фоне флагов своих стран в виде живых, но в чем-то уже монументальных героев, стоявших будто над панорамой Красной площади и площади Тяньаньмэнь. Совместное изображение вождей встречается до 1953 г. еще в двух агитках. В отличие от сугубо гражданских сюжетов, создававшихся в СССР, в Китае визуальный образ простого советского человека получил развитие в 1951 г. именно в военном контексте. Так, под очевидным влиянием событий Корейской войны вышел плакат «Американские агрессоры обязательно будут разбиты» (на кит. яз., 1951) (рис. 7), главными героями которого стали советский и китайский солдаты. В нем также говорилось, что советские люди и китайцы выдержали испытание войной и победили. Они готовы противостоять врагам, которые были карикатурно нарисованы ниже. Образы военнослужащих обеих армий, продолжая часто использоваться до 1955 г., ложились в основу глобальных идей общего вклада в мировую безопасность и боевого содружества⁵. То есть риторика военного альянса, который так никогда и не был оформлен на деле, активно распространялась китайской пропагандой.

Между тем примерно с 1953 г., почти параллельно с аналогичной советской тенденцией, плакатисты КНР

много обращаются к теме производственного сотрудничества, выражая один из главных китайских лозунгов тех лет – «Учиться у Советского Союза» («学习苏联»).

Рис. 6. Худ. В. Каленский, И. Каленская (1959)

Рис. 7. Худ. Гу Юань (1951)

Рис. 8. Худ. Ван Найчжуан (1957)

Нашла свое отражение и практика двуязычного написания лозунгов, как это было, например, в работе художника Ван Найчжуана «Великая дружба, братская забота!» (на кит. и рус. яз., 1957) (рис. 8). Успехи СССР надеялись в плакатах глобальным, даже цивилизацион-

ным смыслом. Так, сцена полета советских спутников, противопоставленная маленькой фигурке Эйзенхауэра, пускающего мыльные пузыри, иллюстрировала покитайски поэтическое высказывание Мао Цзэдуна: «Восточный ветер превосходит западный» («东风压倒西风») (1958).

Призывы к изучению опыта нашей страны с заметным постоянством продолжаются в наглядной агитации до 1959 г. Интересную сцену можно наблюдать в плакате «Советский Союз – великий знаменосец строительства коммунизма и яркий пример для нас» (на кит. яз., 1959) (рис. 9). Следует колонна разнообразных в социальном и этническом отношении советских граждан; идущие впереди держат транспарант, на котором иероглифами написано «семилетний план 1959–1965» («七年计划 1959–1965»). Судя по настрою этой агитки, с точки зрения воздействия на общественное мнение, ничто не предвещало коренного пересмотра взаимоотношений двух стран, начавшегося именно в период этой семилетки. Использование позитивного визуального образа СССР продолжается в КНР до 1962 г., когда вышел, видимо, последний, по-своему символичный плакат «Дружба китайского и советского народов будет жить вечно» (на кит. яз.) (рис. 10).

Рис. 9. Худ. Шэнь Шаолунь (1959)

Рис. 10. Худ. Гэ Вэй (1962)

Подводя предварительную черту под анализом наглядной агитации обеих стран, посвященной совет-

ско-китайскому содружеству, необходимо попытаться понять: добивались ли предложенные официальными властями образы и идеологемы задуманного эффекта? Находили ли они соответствующий отклик у общества и казались ли ему нужными и уместными вообще? Современники тех событий, представители сибирской научной интеллигенции, с которыми автор данной статьи непосредственно обсуждал эту тему в рамках личных бесед, в целом сходятся во мнении, что Китай в то время воспринимался как действительно дружественная страна. Так, историк профессор Ю.В. Куперт отмечал: «До ссоры с Хрущевым была абсолютная внутренняя поддержка Китая и совершенно искренняя, не говоря уже о том, что некоторым они нас просто “подкупали”... у китайцев была очень красивая вещь (музыкальное произведение. – Е.Ф.) “Алеет Восток”»⁶. Вспоминая истоки советско-китайского раскола, профессор М.С. Кузнецов характеризовал его именно как конфликт руководств, а не народов: «Китай благодарен был всегда нам... Но оскорбительно вел себя Хрущев по отношению к руководству Китая, а китайцы Мао Цзэдуна считали марксистом-ленинцем и его теорию марксистко-ленинской, но с китайской спецификой. И нельзя сказать, что они не правы»⁷. Такой акцент на личностную составляющую разногласий соответствует и оценке советского государственного деятеля Д.Т. Шепилова: «Хрущев же всегда оставался человеком импульсивным и необузданным. Он расточал свои щедроты, обятия, дары, делая все, что, по его мнению, было полезно для укрепления китайско-советских отношений. Но как только Мао Цзэдун поставил вопросы <...> которые a priori показались Хрущеву сомнительными – он моментально перешел на менторский тон, начал горячиться, поучать китайцев и прописывать им рецепты» [8. С. 383]. Вместе с тем Шепилов резюмирует: «Конечно, было бы неправильно сводить только к этому разрыв с Китаем. Здесь были и более глубокие объективные причины. Но исходным фактором субъективного порядка, который положил начало конфликта и отправил всю атмосферу китайско-советских отношений, была, несомненно, хрущевская разнозданность» [Там же. С. 386]. В качестве одной из «более глубоких объективных» причин можно назвать и последовательное нежелание советской стороны признавать в Китае Мао Цзэдуна самостоятельный, в чем-то альтернативный, коммунистический проект. Об этом много говорил и историк, специалист в области международных отношений С.В. Вольфсон, который, осознавая всю пагубность подобной линии, в 1966 г., будучи еще молодым ученым, даже написал об этом письмо в ЦК КПСС, но так и не решился отправить⁸.

Впрочем, на любые воспоминания неизбежно влияет возможность видеть и анализировать полную (в том числе первоначально скрытую от масс) перспективу рассматриваемых процессов и оценивать их более взвешенно, в то время как первичное восприятие событий формируется непосредственно на фоне их разви-

тия. Когда в дни Карибского кризиса советские граждане пристально следили за судьбой мира, а некоторые даже делились своими взглядами с верховной властью, посылая письма на имя Хрущева, их представление о китайцах было неоднозначно. Так, с точки зрения рабочих волгоградского завода «Баррикады» нужно дистанцироваться от китайских «наследников Сталина», так как они непременно развязут ядерную войну [9. Л. 89 об.]. Напротив, 30-летний работник шахты, коммунист из Львовской области А.А. Шилов считал, что следует «усиленно укреплять связь со странами народной демократии и особенно (подчеркнуто автором письма. – Е.Ф.) с Китайской Народной Республикой, несмотря на небольшие идеологические расхождения, помочь ей даже оружием» [Там же. Л. 110 об.].

Советско-китайская тема возникла и в откликах граждан на решение Пленума об отставке Хрущева осенью 1964 г. При этом внешнеполитическая линия бывшего генсека критиковалась порой с прямо противоположных позиций. Сторонники скорейшего восстановления дружественных отношений между СССР и КНР приводили и моральные, и geopolитические аргументы. В неподписанном письме из Москвы говорилось: «Ухудшение отношений с Китаем самая страшная ошибка. В мире, наверное, нет ни одного народа, который бы так искренне любил и относился к нашей стране, советским людям. Столько воды налили на ветхую мельницу империализма» [10. Л. 79 об.]. О прямой заинтересованности внешних врагов в обострении конфликта писал 45-летний житель Самарканда М.П. Тепляков: «...политику Хрущева все Гарсты и Джонсоны приветствуют, а еще лучше они приветствуют наши разногласия с нашими братьями по борьбе. Разве они, т.е. Джонсоны, не радуются, что от нас откололись социалистические государства: Китай, Корея, Вьетнам и Албания, – конечно, рукоплещут, хвалят Хрущева и смотрят, как быстро развалится социалистический лагерь, а потом в одиночку раздавят нас» [11. Л. 104]. Довольно просто, но с чисто идеологической точки зрения рассуждали донецкие шахтеры: «...как мы, так и КНР стремятся построить коммунизм... и они строят свое положение по руководству Ленина, и поэтому – это наши друзья, и они нас любят, и мы их также уважаем» [10. Л. 121]. Это суждение хорошо согласуется с лозунгами упоминавшихся выше советских плакатов конца 1950-х гг., в которых единство конечной политической цели – построение коммунизма – рассматривалось как главная идея дружбы с Китаем. Существовала и убежденность в том, что преодолению разногласий двух стран послужат как сама по себе отставка лишенного «дипломатического такта» Хрущева [11. Л. 39], так и восстановление авторитета Сталина в нашей стране [10. Л. 79 об.; 11. Л. 27 об.].

На другом фланге критики хрущевской внешней политики неизвестные авторы из Одессы, называвшие себя «друзьями народа» и не стеснявшиеся в выражениях, указали новому руководству на то, что главной

ошибкой было «превращение страны в дойную корову для всех, кому не лень. Перечислить всех этих “братьев”-иждивенцев нет возможности. Некоторые из этих братьев за страдания нашего народа уже достаточно подло отплатили (Албания, Китай, Корея, Вьетнам, Румыния и др.)» [11. Л. 56]. Справедливости ради стоит заметить, что такая точка зрения касалась не столько восприятия Китая, сколько общей линии СССР в выстраивании отношений с союзниками, и была достаточно распространена в то время. В условиях разразившегося в 1963–1964 гг. продовольственного кризиса и связанных с этим чувствительных социальных сдвигов советские люди ставили под большое сомнение целесообразность траты огромных ресурсов на иностранные государства: «Зачем нам эти все друзья, мы сами справимся. Если некоторым нужна помощь, так помогите в технике, пускай воюют, – а то так получается: технику дай и продовольствие дай, а из-за них свой народ голодает, страдает. Не зря китайское правительство Хрущева критиковало» [10. Л. 108–108 об.]. Любопытно, что для автора этого письма, некого И.П. Потанина из Горьковской области, настроенного критически по отношению к союзникам, руководство КНР выступает в роли некой референтной группы. В целом можно убедиться, что для разделявших подобные мнения граждан прежние широко тиражируемые лозунги «братьства» и «дружбы» несли негативный смысл.

К сожалению, в нашем распоряжении нет аналогичных китайских источников, которые хоть как-нибудь реконструировали бы восприятие СССР населением КНР накануне раскола. Можно лишь отметить определенные метаморфозы официальной риторики, наблюдавшиеся в 1964 г. В июне точка зрения КПК, опубликованная в газете «Женьминь Жибао» и журнале «Хунци», стала достоянием широкой общественности, причем в достаточно резкой и обличительной форме: «На XXII съезде КПСС хрущевская ревизионистская клика не только возвела в систему свою антиреволюционную теорию так называемого мирного сосуществования. <...> Хрущев агитирует за буржуазную идеологию, рекламирует буржуазную свободу, равенство, братство и человечность, обрабатывает советский народ в духе реакционной идеологии буржуазного идеализма и метафизики, а также буржуазного индивидуализма и национализма, подрывает социалистическую мораль» (цит. по: [12]). Но уже в ноябре в той же «Женьминь Жибао» в преддверии 47-й годовщины Октября выходит статья «Сплотиться под знаменами великой Октябрьской революции», развивающая совсем другие идеи-лозунги: братская боевая дружба народов Китая и Советского Союза является вечной, при любых обстоятельствах китайцы будут плечом к плечу с советским народом, да здравствует нерушимая дружба народов Китая и Советского Союза. При этом Хрущев критикуется за opportunism и «отход от интересов советского народа», а также одобряется его снятие со

всех постов [13. Л. 278–287]. Тем не менее риторика советско-китайской дружбы так больше никогда и не пошла в массовое тиражирование средствами наглядной агитации обеих стран.

Правомерно задаться вопросом, открыл ли резкий спад в отношениях двух народов перспективы для формирования образа врага? В советской наглядной агитации положительный контекст для азиатской темы в 1960-е гг. сохранялся на фоне поддержки Вьетнама против агрессии США. Что касается возможностей распространения антикитайских или, вернее сказать, антимоистских мотивов, то они хотя и появлялись, но относительно редко и исключительно в пространстве сатирической карикатуры, оставаясь совершенно не свойственными плакату. Вообще следует отметить, что в брежневскую эпоху среди прочих средств пропаганды плакаты все менее отличаются разнообразием и новаторством сюжетов и образов. Китай же упоминается в единственной известной автору агитке того периода, возникшей в связи с началом китайско-вьетнамской войны: «Пекинскому агрессору – отпор!» (1979).

Несколько иная пропагандистская линия выстраивалась в КНР. Здесь в 1967 г. в наглядной агитации появляются первые лозунги борьбы с «советским ревизионизмом» («苏修»), персонализированным карикатурами на высших руководителей СССР – Л.И. Брежнева и А.Н. Косыгина. Порой они вместе с американскими империалистами составляли один ряд внешних врагов и наделялись жесткими, но по-китайски иносказательными характеристиками – «собачьи головы» («狗头») или «бумажные тигры» («纸老虎»)⁹. Несмотря на оструту подобных выпадов, образ нашей страны присутствовал в китайских агитках рубежа 1960–1970-х гг. словно в нескольких измерениях. Связано это с тем, что личность Мао Цзэдуна тиражировалась в качестве не только наиболее передового марксиста, но и продолжателя дела Ленина и Сталина. Например, в плакате «Учение Мао Цзэдуна – вершина современного марксизма-ленинизма» (на кит. яз., 1968) он изображен буквально в одном ряду с Марксом, Энгельсом и советскими воющими. Убежденность как в исключительной правоте маоизма, так и в его преемственности с ленинскими теориями привела к созданию весьма любопытного сюжета под названием «Поживем – увидим! Красное знамя учения Мао Цзэдуна будет развеваться над родиной Ленина!» (на кит. яз., 1967). Его главными действующими лицами были советские рабочие, а сам лозунг будто исходил из их уст, выражая солидарность с китайской точкой зрения на марксизм. Квинтэссенцией таких идеологических взглядов можно считать и плакат «Объединяйтесь во имя будущего, коммунизм обязательно будет претворен в жизнь» (на кит. яз., 1972), собравший воедино образы и героев Октябрьской революции в России, и китайских революционеров прошлого, и современных борцов за коммунистические идеалы. Впрочем, такой интернационализм, относя-

щийся к исторической перспективе, совершенно не мешал выпуску в 1969–1971 гг. множества мобилизационных агиток, изображавших солдат НОАК и их гражданских помощников готовящимися к отражению внешнего нападения. И хотя прямо об этом практических нигде не упоминается, суровый таежный пейзаж этих плакатов говорит о напряженности на границах именно с нашей страной.

Вместе с тем ярко выраженного и постоянно тиражируемого образа врага в лице СССР в китайских плакатных материалах так и не сформировалось. Если даже в них и появлялись карикатурные изображения советских руководителей, то они кажутся весьма редкими на фоне многочисленных обличительных кампаний, порожденных внутрипартийной борьбой и «культурной революцией» в Китае. Это было противоречивое время, когда не столько картина внешнего мира, сколько китайское самосознание подвергалось пересмотру, дошедшему до такой радикальной степени, что даже один из символов нации – Конфуций – смог стать карикатурой¹⁰. В целом 1970–1980-е гг. не привнесли ничего нового в прохладные отношения двух стран. Исчезновение в 1990-е гг. прежней идеологической повестки едва ли их существенно улучшало, так как бесконтрольное наступление рынка в нашей стране в ряде случаев придавало китайскому участию в этом процессе негативный социально-экономический стереотип [14. С. 100–102]. И только с началом XXI в. трансформация международного положения дает новый исторический шанс для поступательного развития сотрудничества.

Завершая анализ опыта взаимного восприятия СССР и КНР и глядя на будущее двусторонних отношений, важно отметить следующее. В 1950-е гг. советской пропаганде действительно удалось убедить население в том, что Китай является дружественной или как минимум союзной страной. Другое дело, что могла различаться оценка самого факта этого союзничества. Судя по письмам во власть, одни советские граждане искренне считали его бесспорным свидетельством морального превосходства коммунистической идеологии в мире и большим преимуществом в глобальном соперничестве с империализмом, а другие рассматривали союзников как нежелательное бремя на фоне нерешенных внутренних проблем.

Из-за отсутствия соответствующих источников личного происхождения труднее реконструировать представления китайского народа о нашей стране. Исследователи, изучающие историю международных отношений, обработав партийные архивы и материалы переговоров, вероятно, подтвердят, что китайцы в целом были благодарны СССР, но постепенно уже с 1950-х гг. руководство Поднебесной начало в чем-то тяготиться ролью ученика и младшего брата. Однако этот процесс разворачивался преимущественно в политических культах, в то время как массовое восприятие дольше и несколько иначе формировалось пропаган-

дой. И обратившись к ней посредством плакатов, можно обнаружить, что в самом конце 1950-х гг. в китайских лозунгах в категории «братьство с СССР» все еще использовались иероглифы «兄弟», которые среди прочих вариантов перевода имеют значение «старший и младший брат». Этот отдельно взятый пример, может быть, и не имеет большого концептуального значения. Но он наглядно демонстрирует, как пропагандистские материалы отображают настроение эпохи и как по ним можно уловить момент, когда властям использовать прежние идеологемы и образы было уже нецелесообразно, – точку невозврата в советско-китайских отношениях. Анализ плакатов показал, что такое положение сложилось где-то с 1963–1964 гг., хотя и не без определенных оговорок в связи с реакцией китайской прессы на отставку Хрущева.

Как представляется, парадокс данной пропагандистской кампании был в том, что главный сплачивающий

СССР и КНР идейный аргумент – коммунизм как единая конечная цель – не предполагал единства средств ее достижения. А настойчивое желание властей обеих стран глобализировать свое собственное видение коммунистической доктрины в итоге привело к негативным результатам, несмотря на усилия по формированию положительного образа в массах. Что касается нынешней ситуации, то после нескольких десятилетий охлаждения этот образ создается, по сути, заново, в том числе благодаря налаживанию культурных связей. А внимание к сильной национальной культуре – это главный противовес современной глобализации, принуждающей к единству мнений вопреки воле и ухудшающей подлинно дружественные отношения. Ведь именно на почве борьбы за право на собственную точку зрения против стандартов, навязываемых извне, происходит сейчас политическое сближение России и Китая.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Международный юношеский день.

² См., напр.: Г. Клуцис «Да здравствует мировой Октябрь!» (1933).

³ См., напр.: Н. Терещенко «Наш опыт – помочь друзьям» (1953); Е. Соловьев «Нашу дружбу крепим не словами, а делами!» (1956); М. Соловьев «Наша дружба крепка как сталь!» (1958).

⁴ Подписан в Москве 14 февраля 1950 г.

⁵ См., напр.: Лян Юйлун «Мы вместе противостоим агрессии, защищаем Дальний Восток и весь мир!» (на кит. яз., 1951); неизвестный автор «Да здравствует дружба между народами и армиями Китая и Советского Союза» (1955).

⁶ Интервью с Юрием Васильевичем Купертом. Томск. Февраль 2014 г. // Личный архив автора. Юрий Васильевич Куперт (род. 1931) – историк, профессор Томского государственного университета. В начале 1960-х гг. – аспирант и старший преподаватель историко-филологического факультета ТГУ.

⁷ Интервью с Михаилом Сергеевичем Кузнецовым. Томск. Сентябрь 2013 г. // Личный архив автора. Михаил Сергеевич Кузнецов (1922–2015) – историк, профессор Томского государственного университета. В начале 1960-х гг. – доцент, преподаватель историко-филологического факультета ТГУ.

⁸ Интервью с Савелием Вольфовичем Вольфсоном. Томск. Ноябрь 2015 г. // Личный архив автора. Савелий Вольфович Вольфсон (род. 1931) – историк, доцент Томского государственного университета. В 1966 г. – ассистент кафедры историко-филологического факультета ТГУ.

⁹ См., напр.: «Долой советский ревизионизм! Разобьем собачью голову Брежнева! Разобьем собачью голову Косыгина!» (на кит. яз., 1967); «Все реакционеры – бумажные тигры! Истребим всех завоевателей!» (на кит. яз., 1969).

¹⁰ Ся Чжигао «Критикуй Линь Бяо и Конфуция, посвяти себя сельскому хозяйству во имя революции» (на кит. яз., 1974).

ЛИТЕРАТУРА

1. Мо Янь. Конфуций каким я его представляю // Институт Конфуция: (русско-китайское издание). 2014. № 1. С. 34–38.
2. Гаджиев К.С. Национальная идентичность: концептуальный аспект // Вопросы философии. 2011. № 10. С. 3–16.
3. Борисов О.Б., Колесков Б.Т. Советско-китайские отношения. М. : Мысль, 1972. 476 с.
4. Демосфенова Г.Л. Советский политический плакат. М. : Искусство, 1962. 444 с.
5. Переговоры Н.С.Хрущёва с Мао Цзэдуном 31 июля – 3 августа 1958 г. и 2 октября 1959 г. // Новая и новейшая история. 2001. № 1. С. 100–128.
6. Правда. 1962.
7. Правда. 1963.
8. Шепилов Д.Т. Непримкнувший. М. : Варгиус, 2001. 400 с.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р 5446. Оп. 96. Д. 1354.
10. ГАРФ. Ф. Р 5446. Оп. 98. Д. 1631.
11. ГАРФ. Ф. Р 5446. Оп. 98. Д. 1614.
12. Пыжиков А.В. Хрущевская «Оттепель» 1953–1964 гг. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 509 с.
13. ГАРФ. Ф. Р 4459. Оп. 43. Д. 3616.
14. Ларин В.Л. Посланцы поднебесной на Дальнем Востоке: ответ алармистам // Диаспоры. 2001. № 2–3. С. 76–112.

Fedorov Egor A. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: karamba243@yandex.ru

«FORWARD TO THE GREAT AIM!»: THE IMAGE OF THE USSR AND CHINA IN PROPAGANDA POSTERS OF 1940–1960S.

Key words: USSR; PRC; international relations; propaganda; posters; image of the Other.

In the last century China began to play an important role in the Russian foreign policy and recently in domestic as well. This situation provides the favor for increasing of the interest in the Celestial, including the historical background. The aim of the article is to discover the specifics of the mutual perception of the USSR and PRC in 1940-1960s. The period is notable because of some reasons. Firstly, chronically it coincided in time of the formation of the present Chinese state, in which considerable role was played by the Soviet participation. Secondly, the development of the relations excelled by intensive dynamism, including obvious moral rise, highly dramatic fall and crisis as well, so all the events during that era should be considered as a historical lesson. It is reasonable to analyze the images of the USSR and China in several dimensions. On the one hand, in the framework of the official point of view, considered on the basis of Russian and Chinese visual propaganda and, partly, press. On the other hand, by the opinions of contemporaries, reflecting in the personal sources: letters and memoirs. The analysis of the propaganda posters has shown, since 1950s the mutual perception of the USSR and China was formed against the background of calls to go to the victory of Communism together, constructing military or labor cooperation. In the both countries subjects became classical, in which the central role was played by a two male of female images, personalizing the unity of the nations, state symbolic and slogans, written in Russian and in Chinese at the same time. Similar materials were actual approximately until 1962 and were stopped publishing by the influence of the ideological split. According to the personal sources at the turn of 1950-1960s Soviet people indeed perceived China as a friendly or an allied country. Nevertheless the account of the alliance differed: some of the citizens believed it as the undisputable evidence of moral superiority of the Communist ideology and the great advantage in the global rivalry against imperialism, but others considered allies as an undesirable burden against the background of the unsolved internal problems. In general the paradox of the actual propagandistic campaign was: the main rallying the USSR and PRC committed argument – Communism, as a single final aim, did not imply the solidarity of the means of achievement. But the both countries' persistent desire to globalize their own view of the Communist doctrine in total led to the negative results, despite the efforts to form the positive image among the masses.

REFERENCES

1. Mo Yan. (2014) Konfutsiy kakim ya ego predstavlyayu [Confucius as I imagine him]. *Institut Konfutsiya (russko-kitayskoe izdanie)*. 1. pp. 34–38.
2. Gadzhiev, K.S. (2011) Natsional'naya identichnost': kontseptual'nyy aspekt [National identity: a conceptual aspect]. *Voprosy filosofii*. 10. pp. 3–16.
3. Borisov, O.B. & Koloskov, B.T. (1972) *Sovetsko-kitayskie otnosheniya* [Soviet-Chinese relations]. Moscow: Mysl'.
4. Demosfenova, G.L. (1962) *Sovetskiy politicheskiy plakat* [Soviet Political Poster]. Moscow: Iskusstvo.
5. Anon. (2001) Peregovory N.S.Khrushcheva s Mao Tszedunom 31 iyulya – 3 avgusta 1958 g. i 2 oktyabrya 1959 g. [N.S. Khrushchev's negotiations with Mao Zedong, July 31 – August 3, 1958 and October 2, 1959]. *Novaya i noveyshaya istoriya – Modern and Contemporary History*. 1. pp. 100–128.
6. *Pravda*. (1962)
7. *Pravda*. (1963)
8. Shepilov, D.T. (2001) *Neprimknuyshiy* [Unidentified]. Moscow: Vargius.
9. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R 5446. List 96. File 1354.
10. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R 5446. List 96. File 1631.
11. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R 5446. List 96. File 1614.
12. Pyzhikov, A.V. (2002) *Khrushchevskaya "Ottepel'" 1953–1964 gg.* [Khrushchev's Thaw of 1953–1964]. Moscow: OLMA-PRESS.
13. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R 4459. List 43. File 3616.
14. Larin, V.L. (2001) Poslantsy podnebesnoy na Dal'nem Vostoke: otvet alarmistam [Envoy of the Heavenly Empire in the Far East: a response to alarmists]. *Diaspora*. 2–3. pp. 76–112.

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94(47)

DOI: 10.17223/19988613/48/23

В.П. Бойко

РЕЦЕНЗИЯ: Румянцев П.П. Служебный персонал золотопромышленных предприятий Сибири в XIX – начале XX в. / под ред. В.П. Зиновьева. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2016. 308 с.

Одним из главных обстоятельств успеха в тех или делах является не только правильный стратегический замысел, но и дисциплина, выучка и организованность простых исполнителей. Подтверждение этого тезиса можно найти в армии: талант и даже гений военачальников, храбрость и стойкость солдат должны быть подкреплены профессионализмом унтер-офицеров (сержантов) и младших офицеров, которые из разных по возрасту, образованию, социальному статусу призывников готовят солдатскую массу, способную или не способную выполнять замыслы командования. Одной из главных причин поражения Временного правительства в 1917 г. стал знаменитый Приказ № 1 по Российской армии, который отменил воинские звания и военную субординацию, превративший части и подразделения в собрания граждан, одетых в солдатскую и офицерскую форму без погон, номинально управляемые солдатскими комитетами, что привело затем к военным и политическим поражениям, всеобщему хаосу и национальной трагедии.

Вопросу об управленческом аппарате одной из важных отраслей Российской экономики в XIX – начале XX в. и посвящена данная рецензия. Теме сибирской золотопромышленности посвящены десятки, если не сотни работ, и подавляющее большинство из них П.П. Румянцев детально изучил. Мало того, он выделил в истории отрасли малоизученную тему о роли управленческого персонала в эффективной работе золотопромышленных предприятий и успешно с ней справился. Во введении автор рецензируемой монографии детально характеризует дореволюционную, советскую и современную литературу по избранной теме и приходит к выводу, что в историографии проблемы наблюдается эволюция от «исключительно отрицательной оценки служебному персоналу золотопромышленных предприятий» (С. 23) к более взвешенной и объективной оценке этой социальной группы, которая требует дальнейшего уточнения. В качестве основного инструмента дальнейшего расширения знаний по этой теме предлагается использовать комплекс источников, как уже известных исследователям, так и малоизвестных или неизвестных, введенных в научный оборот автором монографии из периодической печати, источников личного происхождения и архивов.

В первом разделе монографии рассматривается краткая история сибирской золотопромышленности в динамике ее развития сначала в области законодательства, а затем и в сфере реального производства. Одним из стимулов роста объемов добычи золота в Сибири было внедрение новых форм организации производства и новой техники, сначала завозимой из Австралии и Новой Зеландии, а затем производимой на Урале и на Путиловском заводе в Петербурге. Эту задачу выполняли, как правило, грамотные управляющие крупных фирм и привлекаемые ими талантливые инженеры. Стоило это, конечно, дорого, но кто не жалел средств, как, например, известный в стране золотопромышленник В.И. Базилевский, тот получал иногда фантастические результаты – 12 золотников золота (ок. 50 г) на 100 пуд. (1 640 кг) промытого золотоносного песка (С. 36). Отказ от модернизации производства зачастую приводил не только к уменьшению добычи золота, но и к социальным взрывам. Ленский расстрел протестующих рабочих в 1912 г. произошел как раз из-за смены управляющего крупнейшего предприятия отрасли «Лензолото», вводившего эффективные методы добычи, на другого директора, который был приверженцем старой потогонной системы, ужесточения полицейского режима на предприятии и притеснения рабочих. События 1912 г., приведшие к массовому расстрелу рабочих, заставили правление компании пересмотреть стратегию развития и отказаться от устаревших и ненадежных методов добычи золота (С. 44–45).

Благодаря внедрению новой сложной техники постепенно изменялся и состав управленцев золотопромышленных компаний, так как вместо прежней, исключительно надзорной, функции необходимо было выполнять и определенную роль во внедрении и освоении научно-технических достижений (паровые двигатели, механическое бурение и гидромониторы, электричество и пневматика, драги и дробилки и др.), которые были необходимы для успешного производства. Другое дело, что консервативный путь добычи драгметаллов был популярен среди золотопромышленников, которые нередко совмещали фабрики по добычи золота (драги) с примитивным «золотничным» промыслом. Тем не менее путь от «винных» приказчиков, первых управленцев на золотых приисках, принадлежавших

винным откупщикам, до технически грамотных и профессионально подготовленных служащих, вышедших преимущественно из приисковых рабочих, был прощен. Приятным сюрпризом для рецензента стал раздел о социально-психологическом облике служебного персонала на сибирских золотых приисках и яркая характеристика его с помощью, прежде всего, источников личного происхождения (С. 88–122).

Во второй главе монографии рассматривается социально-правовое положение служащих на золотых промыслах Сибири, функции служебного персонала на приисках и при транспортировке золота в золотосплавочные конторы и вознаграждение (зарплата), которое они получали за свой труд. Привлеченный автором материал позволил объективно и всесторонне осветить поставленные в книге проблемы и наметить перспективы их дальнейшего изучения. Весьма ценными являются выводы, сделанные на основе анализа ситуации в отрасли. Отмечается не только количественный рост служащих на золотых приисках Сибири, но и качественные их изменения: появление технически образованных кадров служащих, специалистов новых направлений, например механиков и техников, а также преемственности в этой привилегированной, по сравнению с рабочими, социальной группы. Остается подсчитать долю таких служащих среди всего персонала и, может быть, проследить их судьбу в советское время. Драгметаллы нужны были всегда, особенно в период индустриализации и Великой Отечественной войны, поэтому опыт квалифицированных специалистов в этой области был, скорее всего, востребован. Так ли это было на самом деле, предстоит выяснить П.П. Румянцеву в своих будущих исследованиях.

Рецензируемая монография снабжена списком использованной литературы, который включает в себя редкие издания, указывающие на кропотливую работу автора в архивах и библиотеках Санкт-Петербурга, так как именно в Российской национальной библиотеке можно найти такие редкие издания, как, например, книга Н.К. Баженова, изданная в Казани в 1846 г., статьи П.Д. Баллада, И.Х. Ангермана, Е. Боллена и многих других авторов. В фондах этой библиотеки автор рецензии провел немало времени и сделал там много микрооткрытий не только по своей теме исследования.

Книга П.П. Румянцева снабжена кратким, но емким по содержанию приложением, содержащим образцы контрактов со служащими золотых промыслов Западной Сибири с середины XIX до начала XX в., где определялись обязанности сторон, размеры жалованья, ответственность за нарушение договора и т.д. При цитировании сохранились стиль и орфография документов, что повышает их ценность и передает колорит эпохи. Статистическая информация о служебном персонале и его экономическом положении сведены в 20 оригинальных таблиц и дают дополнительные сведения о положении служащих, их численности, составе, обязанностях и облике. Думается, что книга П.П. Румянцева является первой, но далеко не последней в его творчестве, так как он показал задатки серьезного и увлеченного своей темой исследователя, обладающего обширной информационной базой по истории Сибири и даром легкого и литературного изложения сложного и противоречивого материала. Отметим и высокое качество издания этой книги, хотя, судя по всему, без участия спонсоров тут не обошлось, и об этом следовало бы упомянуть.

Boyko Vladimir P. Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russia). E-mail: vpbojko@yandex.ru
REVIEW: RUMYANCEV P.P .THE STAFF OF THE GOLD-MINING ENTERPRISES OF SIBERIA IN THE XIX – EARLY XX CENTURY. TOMSK : TSU PUBLISHING HOUSE, 2016. 308 p.

УДК 94(410) «1945-1964»

DOI: 10.17223/19988613/48/24

С.В. Фоменко

РЕЦЕНЗИЯ: Е.В. Хахалкина. Между Европой и империей: политика Великобритании в отношении европейской интеграции и деколонизации. 1945–1964 гг.
Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. 334 с.

При обилии работ на самых разных языках мира о внешней политике Великобритании первых послевоенных десятилетий, казалось бы, нет ни малейшего шанса сказать о ней что-либо новое. Но Е.В. Хахалкина смогла найти собственный, неординарный подход к анализу достаточно известного исторического материала, рассмотрев его в плоскости реализации государственных интересов державы, только что вышедшей из Второй мировой войны. Хотя автор и не оперирует широко термином «интерес», ее исследование свидетельствует: несмотря на то, что национальный интерес невозможно определить с исчерпывающей точностью, осмысление политической практики современного государства без использования данного понятия просто невозможно.

По-прежнему воспринимая «роль своей страны как глобальной державы» (С. 63), пишет Е.В. Хахалкина, члены британских правительств старались решать главную проблему послевоенного времени – «сокращение расходов и обязательств – таким образом, чтобы “международная уверенность” в “политическом будущем” Великобритании “как державы с мировым влиянием и интересами” не была поколеблена» (С. 255, 119). Тон во многом задавал лидер консерваторов У. Черчилль, игравший в период своего премьерства в 1940–1945, а затем в 1951–1955 гг. видную роль в определении внешней политики страны. Знаменитая черчиллевская речь «Трагедия Европы» сентября 1946 г. в Цюрихском университете демонстрировала наряду с прочим «стремление британской дипломатии, как и прежде, действовать ... в интересах сохранения глобальной роли Британии» (С. 25).

В монографии подчёркивается: именно в силу этой естественной и отнюдь не амбициозной для Англии цели внешняя политика её правительства после 1945 г., возможно, в большей степени, нежели когда-либо, носила двухпартийный характер. Из-за экономических трудностей страны, вынесшей тяжесть шестилетней войны, и благодаря усилиям тори-реформаторов пришедшие к власти лейбористы во многом следовали внешнеполитическому курсу, намеченному в конце войны Черчиллем, а консерваторы после 1951 г., в свою очередь, чаще всего продолжали политику лейбористов (С. 67). Сказанное относится и к двум важнейшим направлениям британской внешней политики – имперско-колониальному и европейскому, которые, показывает Е.В. Хахалкина, в рассматриваемый период оказались необычайно тесно взаимосвязаны и взаимно обусловлены.

Европейцы давно уже вынашивали идею создания Соединённых Штатов Европы. После 1945 г. тесная региональная интеграция в самых разных областях стала для многих европейских стран чуть ли не единственным средством преодоления экономической разрухи и сохранения хоть какого-нибудь влияния в мире. Автор монографии не может согласиться с встречающейся точкой зрения, согласно которой Британия слабо интересовалась интеграционными процессами в Европе «и не спешила принимать в них участие» (С. 63). Приведённый с опорой на огромное количество фактов анализ подводит к однозначному выводу: англичане внесли огромный вклад в *военно-политическое сплочение Западной Европы* по своему и североамериканскому проекту. Не желая, например, «жертвовать суверенитетом в военной сфере» (С. 43), они помогли похоронить идею Европейской армии, побуждая европейцев сконцентрироваться на «сплочённости через НАТО или возрождённый ЗЕС (Западноевропейский союз)» (С. 193). Но что касается вклада Британии в процесс европейской экономической интеграции, её целей и достижений в этой сфере, то их оценить, по-видимому, не так-то просто.

Ясно лишь одно: с самого начала англичане противостояли преобладающей на континенте «федералистской философии» интеграции идею объединения «по типу конфедерации, наподобие ОЕЭС (Организации европейского экономического сотрудничества) и Совета Европы» (С. 211). Сформулированное таким образом положение автора, возможно, не очень удачно. Более точно широко используемое в работе противопоставление межправительственной (британской) и наднациональной моделей интеграции, выражавшееся в экономической области в том, что континентальные страны стремились к образованию таможенного союза и общего рынка товаров, услуг, капиталов и рабочей силы, а Великобритания мечтала ограничиться лишь созданием зоны свободной торговли (С. 222). Она не желала жертвовать национальным суверенитетом и боялась «ущемления (своих) торговых и политических связей» с империей и Содружеством (С. 224).

В монографии немало фактов о том, какое значение (в качестве сфер приложения капитала, рынков сбыта, источников сырья, средств контроля над стратегически важными зонами мира) имели для Великобритании её имперские владения, существовавшее в 1931–1947 гг. Британское содружество (объединение метрополии и

бывших доминионов), а затем созданное на его основе «новое» Содружество независимых государств, возникших на территории бывшей империи. Но, вероятно, стоило чётче проговорить, что, помимо всего прочего, Британское содружество являлось финансово-экономической группировкой, чью систему предпочтительных таможенных тарифов и стерлинговое обращение первоначально унаследовало и «новое» Содружество. В 1960 г. треть британского импорта и 40% экспорта всё ещё приходились на Содружество, а это в 3 раза превышало британский экспорт в страны Европейского экономического сообщества – ЕЭС (С. 262–263).

Как следствие, через всю свою работу проводит мысль Е.В. Хахалкина, по крайней мере, до конца 1950-х гг., несмотря на географическую близость континентальной Европы, приоритетной для британских правительств оставалась политика в отношении Содружества и колоний, а не «участие страны в европейской интеграции» (С. 79): «Колониальная империя и Содружество представлялись оплотом британских позиций в мире, а европейские дела вызывали интерес главным образом с точки зрения вопросов безопасности» (С. 68), решаемых «с учётом не столько возможной германской, сколько советской угрозы» (С. 36).

В 1952 г. английское правительство отвергло идею «установления тесного экономического союза Западной Европы и стерлинговой зоны Содружества», опасаясь, «что предлагаемый союз может “разрушить единство”, а излишнее давление на страны организации вызовет обратный <...> эффект и приведёт их в “объятия Соединённых Штатов”» (С. 72). В 1954 г. британский кабинет отклонил предложение соглашения с Европейской организацией угля и стали (EOUC), посчитав, что результатом его «станет потеря странами Содружества своих преференций на экспорт стали в Британию и рынки империи» (С. 86, 90). Шедшие в 1957–1958 гг. по инициативе Совета ОЕЭС переговоры о создании в Европе зоны свободной торговли также свидетельствовали о стремлении Британии «скорее избежать ослабления отношений со странами Содружества, чем развивать связи с Европой» (С. 178) и т.д. Как следствие, в государствах Содружества оказалась проживающей 1/4 населения Земли – столько же, сколько и в империи в период её расцвета.

В монографии тщательно воссоздан механизм удержания бывших колоний в орбите британского влияния и их «улавливания» Содружеством с помощью разных средств (С. 272–274), включая иммиграционную политику, основанную рассматриваемую в качестве неотъемлемой части имперско-колониального курса.

Проводимая после окончания войны политика «открытых дверей» в отношении выходцев из империи и Содружества, обнаружила Е.В. Хахалкина, объяснялась отнюдь не возникшей нехваткой в Британии рабочих рук (С. 55, 169) или стремлением увеличить «демографическую мощь» страны. В Лондоне надеялись, что эта политика станет «средством укрепления отношений с

Содружеством и остававшимися в составе империи колониями» (С. 52). Взятый фактически уже в 1949 г., а окончательно в 1954 г. курс на ограничение «цветной» иммиграции проводился так, чтобы избежать обвинений в «предательстве идеала свободного передвижения в мультикультурном Содружестве» и не нанести ущерба «воспитанию» будущих элит самостоятельных государств (С. 59, 62, 154).

Но главным «политическим оружием» «привязки» бывших колоний к Британии (С. 280) стала «политика развития», примером которой может считаться уникальный «аракисовый проект» 1949 г., нацеленный и на ликвидацию дефицита жиров в самой Великобритании, и на подъём сельского хозяйства в подопечной ООН Танганьике.

Суэцкий кризис 1956 г., свидетельствовавший, по выражению Е.В. Хахалкиной, о конце bipolarного мира и «обоснованности претензий стран Третьего мира на осуществление самостоятельной политики на международной арене» (С. 152), явился важнейшей вехой в истории неоколониализма. Так, хотя британские правящие круги, по-видимому, уже к 1945 г. примирись с мыслью о неизбежности «отпуска» на свободу основных колоний, до конца 1950-х гг. они «предпочитали говорить о готовности отдельных стран к самоуправлению, но не к независимости» (С. 253). Теперь же термин «колония» практически вышел из употребления и, чтобы ослабить критику в свой адрес, в том числе и в ООН, метрополия стала оглашать сроки предоставления независимости зависимым от неё территориям (С. 291).

Складывается, однако, впечатление, что Суэцкий кризис 1956 г., именуемый в монографии традиционно «переломным» и «рубежным» моментом британской внешней политики (С. 117, 153), считается таковым прежде всего потому, что он побудил Британию к определённой переориентации на Европу. (Речь идёт именно об определённой переориентации. Автор понимает, что Великобритания по-прежнему стояла, по выражению У. Черчилля, на пересечении трёх кругов: Содружества, Европы и Америки. Сравнительная важность этих кругов могла меняться, но все три сохранили для страны огромное значение.)

Начавшаяся вскоре работа по созданию Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ) и деятельность по «растворению» ЕЭС «в более широком объединении, построенным на межправительственной основе» (С. 174), казалось бы, подтверждают этот вывод. Но тезис, согласно которому после 1956 г. Британия постаралась «найти себя в роли ведущей региональной державы» (С. 154), очень спорен. (Не следует забывать, что ставший в 1957 г. премьером Г. Макмиллан как-то открыто назвал вступление в Европейские сообщества событием для Британии всего лишь «регионального масштаба».)

По поводу того, что уже в 1961 г. английское правительство подало просьбу о приёме в ЕЭС, в литературе можно прочесть: «Британское руководство спе-

шило успеть заскочить в уходящий поезд», движимое боязнью превращения страны «в маленький остров на периферии Европы». Автор монографии не разделяет этого мнения, игнорирующего тот факт, что сама Европа является фактически лишь одним из полуостровов Евразии. Не солидаризируется Е.В. Хахалкина и с теми, кто считает, что, не разглядев в своё время перспектив ЕОУС, Великобритания «потеряла шанс на лидерство в Европе» (С. 40). Тем не менее она полагает, что «на том этапе европейской интеграции Соединённое Королевство упустило свой шанс повлиять на конструкцию складывающейся “единой Европы”» (С. 100).

На мой взгляд, оставшись за пределами Европейских сообществ, Британия – конечно, не одна, а вместе с США – оказала всё же немалое воздействие на характер евроинтеграции не только в военно-политической, но и в экономической сфере. Чтобы осознать это, стоит внимательнее присмотреться к причинам того, почему всего через полтора года после образования в противовес Общему рынку ЕАСТ английская элита заговорила о необходимости вступления в ЕЭС.

В монографии внимание сосредоточено на политических причинах решения 1961 г.: потерпели крах надежды, что ЕЭС постигнет та же участь, что и Европейское оборонительное сообщество (С. 215); сказалась боязнь ослабления «западной системы безопасности» (С. 182); считалось, что переориентация Британии на участие в европейской интеграции укрепит «особые» англо-американские отношения и одновременно предотвратит превращение «взаимозависимости» с США в зависимость от них (С. 192). Из причин вступления Великобритании в ЕЭС отмечены также возрастание в британском импорте объёма «сельскохозяйственной продукции и сырья из стран Западной Европы», надежды англичан на то, что членство в ЕЭС увеличит их способность «обеспечивать капитал для развития Содружества» (С. 225), «ослабление системы преференций из-за стремления наиболее развитых государств-членов Содружества развивать свою собственную промышленность и торговые отношения с другими странами» (С. 177) и т.д. Но ряд причин экономического порядка, подталкивавших Британию к ЕЭС, оказались либо проигнорированы, либо упомянуты «мимоходом».

В 1947 г., например, 10 членов Содружества вместе с 13 развитыми государствами мира подписали Генеральное соглашение о тарифах и торговле, намечавшее снижение таможенных тарифов более чем на 60 тыс. товаров. Как следствие, в британском импорте и экспорте в страны Содружества доля преференциальных товаров стала неизбежно сокращаться, а средний уровень преференциальных скидок – уменьшаться. Но в

монографии не встретить данных об этом факте, повышавшем заинтересованность Британии в ЕЭС. Хотелось бы также услышать, в какой степени решение Британии начать переговоры о её вступлении в ЕЭС было связано с обязательством стран-участниц Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) снижать барьеры на пути движения капиталов и торговли товарами, а также услугами. Автор ограничился лишь упоминанием факта подписания в декабре 1960 г. 18 странами Европы, США и Канадой соглашения о создании на базе европейской ОЕЭС всемирной ОЭСР (С. 221).

Отталкиваясь от материалов рецензируемой монографии, можно предположить: глубже других европейских стран вовлечённая в мирохозяйственные связи, с экономической мощью, покоящейся уже не на торговле или промышленности, а в основном на финансах, Великобритания (вместе, конечно, с США) всё сильнее втягивала и страны ЕЭС, и страны Содружества в единое «глобализующееся» экономическое пространство. В этих условиях членство в ЕЭС, лишённом жёсткого протекционизма и двигавшемся в направлении свободной торговли, уже перестало противоречить её *государственным интересам*.

Начав переговоры с ЕЭС, английская правящая элита не сомневалась в приёме в него своей страны. И когда Британия в 1973 г. наконец-то вступила в «единую Европу», это произошло во многом на ее собственных условиях, возможность которых создала «глобальная роль» страны в мире, сохранившаяся как благодаря «особым отношениям» с США, так и благодаря не утраченным связям с Содружеством.

Возможно, в будущем Е.В.Хахалкина обратится к анализу именно этого аспекта взаимоотношений Британии с континентальной Европой, что в условиях недавнего Брексита не может не быть актуальным. Главное же, хочется надеяться, что она ещё не раз порадует нас своими работами, базирующимиися во многом на использовании разнообразного рода разработок чиновников британских внешнеполитических ведомств и правительственный экспертов. Известно: в Британии конкретный правительственный курс определяют во многом не политики, не меняющиеся через год-другой (в силу традиционной практики ротации) министры, а именно несменяемые чиновники, в числе которых в рассматриваемое в монографии время оказался даже Исаия Берлин. Широкое привлечение в качестве источников не только привычных официальных документов и мемуаров, но и разного рода документов, рожденных в недрах британской Государственной службы, придаёт данной монографии особую убедительность и ценность.

Fomenko Svetlana V. Omsk State University (Omsk, Russia). E-mail: fomenk@gmail.com

REVIEW : E.V. KHAKHALKINA. BETWEEN EUROPE AND THE EMPIRE: BRITISH POLICY TOWARDS EUROPEAN INTEGRATION AND DECOLONIZATION IN 1945-1964. TOMSK: TOMSK STATE UNIVERSITY PRESS, 2016. 334 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БОЙКО Владимир Петрович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории России и политологии Томского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: vpbko@yandex.ru

ВАСИЛЬЕВ Артем Викторович, кандидат исторических наук, заведующий отделом рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета. E-mail: art@lib.tsu.ru

ВОРОШИЛОВА Анна Сергеевна, аспирант кафедры отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: Annet1010552@mail.ru

ВОСКРЕСЕНСКАЯ Марина Аркадьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: m.voskresenskaya@spbu.ru; marina3010@ngs.ru

ДАНИЛЕВСКИЙ Игорь Николаевич, доктор исторических наук, ординарный профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва). E-mail: viddanin@mail.ru

ДУГАРОВ Владимир Доржиевич, доктор исторических наук, профессор кафедры административного права и таможенного дела Забайкальского государственного университета (г. Чита). E-mail: ngsav@mail.ru

ДУТЧАК Елена Ерофеевна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: dee010@mail.ru

ЖЕРАВИНА Ольга Александровна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой библиотечно-информационной деятельности Института искусств и культуры Томского государственного университета. E-mail: ozheravina@yandex.ru

ЗИНОВЬЕВ Василий Павлович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: vpz@tsu.ru

КАЗАНЦЕВА Наталья Геннадьевна, кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой административного права и таможенного дела Забайкальского государственного университета (г. Чита). E-mail: ngsav@mail.ru

КЕРОВ Валерий Всеволодович, доктор исторических наук, профессор Школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва). E-mail: vvkerov@gmail.com

КИТАНИНА Таисия Михайловна, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, заслуженный работник высшей школы, академик Петровской академии наук и искусств. E-mail: lar1211@mail.ru

КОЗЛОВА Наталия Вадимовна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России до начала XIX века Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: kozlova.n.v.i@gmail.com

КОЛОСОВА Галина Иосифовна, главный библиотекарь отдела рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета. E-mail: ork_2003@mail.ru

КОМИССАРЕНКО Аркадий Иванович, доктор исторических наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы (г. Москва). E-mail: arkadiy109@rambler.ru

КОСЫХ Евгений Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и политологии Томского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: history@tsuab.ru

КУХАРЕНКО Алексей Евгеньевич, кандидат исторических наук, директор интернет-агентства «Куко Компани» (г. Барнаул). E-mail: lexx-1984@mail.ru

МАУЛЬ Виктор Яковлевич, доктор исторических наук, профессор Тюменского индустриального университета (филиал в г. Нижневартовске). E-mail: VYMaull@mail.ru

ПЕРЕТЬЯТКО Артем Юрьевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории военных исследований АНО «Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований» (г. Сочи). E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

СЕРБИНА Галина Николаевна, заведующая отделом обслуживания Научной библиотеки Томского государственного университета. E-mail: serbina@lib.tsu.ru

СКУБНЕВСКИЙ Валерий Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: koi@hist.asu.ru

СОБОЛЕВА Татьяна Николаевна, кандидат исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: tansoboleva@mail.ru

ТОМИЛОВ Николай Аркадьевич, доктор исторических наук, профессор, директор Омского филиала Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, заведующий кафедрой этнологии, антропологии, археологии и музеологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: n.a.tomilov@gmail.com

Сведения об авторах

УСКОВ Игорь Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Федерального исследовательского центра угля и углехимии Сибирского отделения РАН (г. Кемерово). E-mail: Yskov74@gmail.com

ФЕДОСОВ Егор Андреевич, аспирант кафедры современной отечественной истории исторического факультета, младший научный сотрудник Лаборатории социально-антропологических исследований Томского государственного университета. E-mail: karamba243@yandex.ru

ФОМЕНКО Светлана Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: fomenk@gmail.com

ЧЕРКАСОВА Марина Сергеевна, доктор исторических наук, профессор кафедры теории, истории культуры и этнологии Вологодского государственного университета. E-mail: mscherkasova@mail.ru

ШЕВЦОВ Вячеслав Вениаминович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: totleben@yandex.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ

Научный журнал

2017 № 48

Председатель редакционного совета – Э.В. Галажинский

Главный редактор – В.П. Зиновьев

Ответственный секретарь – П.П. Румянцев

Подписано к печати 15.08.2017 г. Формат 60x84^{1/8}. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.
Цифровая печать. Усл. печ. л. 17,6. Тираж 68 экз. Заказ № 2711. Цена свободная.

Дата выхода в свет 07.09.2017 г.

Редактор – Е.Г. Шумская

Оригинал-макет А.И. Лелоюр

Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Редакторы-переводчики – Н.А. Глущенко, В.Н. Горенинцева

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Учредитель – Томский государственный университет

Периодичность издания шесть номеров в год. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.
Ознакомиться с полнотекстовой версией журнала и требованиями к оформлению материалов можно на сайте: <http://journals.tsu.ru/history>

Founder – Tomsk State University

Tomsk State University Journal of History is issued six times per year. The Journal uses double-blind peer review of all articles.

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>. Free price

ISSN 1998-8613, e-ISSN 2311-2387

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
редакция журнала «Вестник ТГУ. История»
Телефон 8(382-2)–52-96-67
Факс 8(382-2)–52-98-46
Ответственный секретарь – П.П. Румянцев
E-mail: petroom@mail.ru

Editorial Office and Publisher Office address:

TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
34 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-67
Fax: 8(382-2)–52-98-46
Executive Editor: Peter Rumyantsev
E-mail: petroom@mail.ru

Издательство:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
Издательский Дом ТГУ
Телефон 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher:

Publishing House of Tomsk State University,
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru